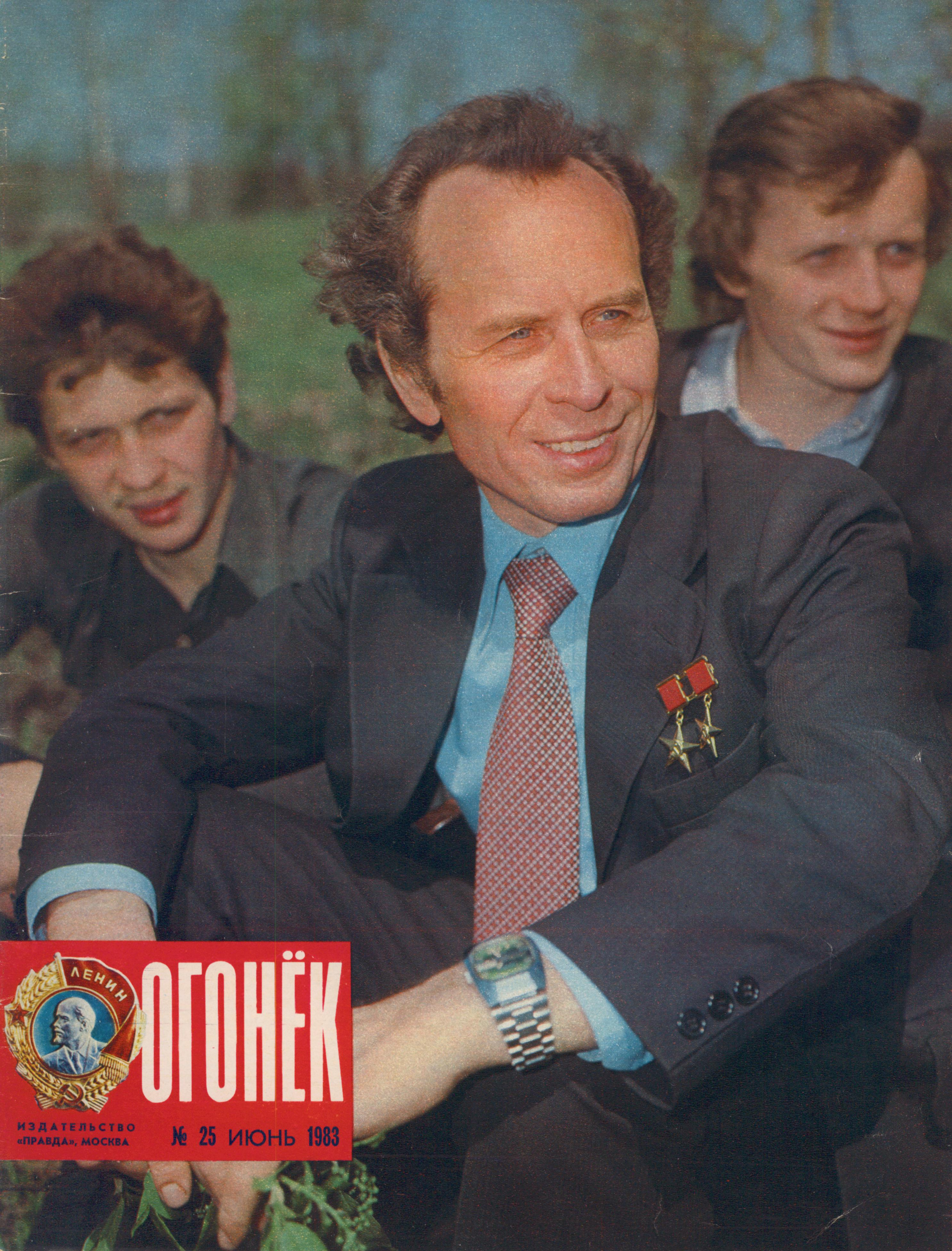

ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 25 ИЮНЬ 1983

ИНФОРМАЦИОНН

о Пленуме Централ
Коммунистической па

14 июня 1983 года начал работу очередной Пленум Центрального Комитета КПСС.

Заседание открыл Генеральный секретарь ЦК КПСС тов. Ю. В. Андропов.

С докладом «Актуальные вопросы идеологической, массово-политической работы партии» на Пленуме выступил член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС тов. К. У. Черненко.

В прениях по докладу выступили товарищи В. В. Гришин — первый секретарь Московского горкома КПСС, Д. А. Кунаев — первый секретарь ЦК Компартии Казахстана, В. В. Щербицкий — первый секретарь ЦК Компартии Украины, Э. А. Шеварднадзе — первый секретарь ЦК Компартии Грузии, П. Н. Демичев — министр культуры СССР, В. С. Чичеров — бригадир слесарей-сборщиков производственного объединения турбостроения «Ленинградский Металлический завод», М. З. Шакиров — первый секретарь Башкирского обкома КПСС, А. П. Филатов — первый секретарь Новосибирского обкома КПСС, Г. М. Марков — первый секретарь правления Союза писателей СССР, А. А. Епишев — начальник Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота, А. Э. Восс — первый секретарь ЦК Компартии Латвии.

15 июня 1983 года на Пленуме ЦК КПСС продолжалось обсуждение доклада члена Политбюро ЦК КПСС, секретаря ЦК КПСС тов. К. У. Черненко «Актуальные вопросы идеологической, массово-политической работы партии».

С большой речью на Пленуме ЦК выступил Генеральный секретарь ЦК КПСС тов. Ю. В. Андропов.

В прениях по докладу выступили товарищи Ш. Р. Рашидов — первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана, К. Г. Вайно — первый секретарь ЦК

П О С Т А Н О В Л Е Н И Е

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРО
МАССОВО-ПОЛИТИЧЕСК

Заслушав и обсудив доклад члена Политбюро ЦК КПСС, секретаря ЦК КПСС товарища Черненко К. У., Пленум ЦК КПСС отмечает, что идейно-политическая обстановка в стране характеризуется дальнейшим сплочением советских людей вокруг Коммунистической партии Советского Союза, ее Центрального Комитета, Политбюро ЦК во главе с Юрием Владимировичем Андроповым. Трудящиеся нашей страны единодушно поддерживают внутреннюю и внешнюю политику КПСС, курс партии на интенсификацию производства, подъем материального благосостояния и культуры народа, углубление социалистической демократии, упрочение основ советского образа жизни, сохранение мира, предотвращение термоядерной войны. Они конкретными делами отвечают на призыв партии всемерно укреплять дисциплину и порядок, работать более организованно и эффективно, успешно выполнить решения XXVI съезда КПСС, майского и ноябрьского (1982 г.) Пленумов ЦК.

Советское общество вступило в такой этап, когда назрели глубокие качественные изменения в производительных силах и соответствующее этому совершенствование производственных отношений. В тесной взаимосвязи с этим должны происходить и изменения в сознании людей, во всей надстройке общества. Усилия партии и народа концентрируются на задачах планомерного и всестороннего совершенствования развитого социализма, реализация которых прямо зависит от уровня сознательности и активности трудящихся. Идеологическая работа все больше выдвигается на первый план, возрастают ее роль и значение. При решении новых задач, учил В. И. Ленин, «с политической точки зрения подготовка именно масс есть самое важное».

Следует также иметь в виду, что на международной арене происходит резкое, небывалое за весь послевоенный период обострение борьбы двух общественных систем, двух полярно противоположных мировоззрений. Исторические достижения реального социализма,

ОЕ СООБЩЕНИЕ
ьного Комитета
ртии Советского Союза

Компартии Эстонии, П. Н. Федосеев — вице-президент Академии наук СССР, К. С. Демирчян — первый секретарь ЦК Компартии Армении, С. Г. Лапин — председатель Государственного комитета СССР по телевидению и радиовещанию, М. А. Прокофьев — министр просвещения СССР, Л. А. Кулиджанов — первый секретарь правления Союза кинематографистов СССР, С. А. Шалаев — председатель ВЦСПС, В. М. Мишин — первый секретарь ЦК ВЛКСМ.

Пленум ЦК КПСС единогласно принял по обсуждавшемуся вопросу постановление, которое публикуется в печати.

Пленум ЦК КПСС рассмотрел организационные вопросы.

Пленум ЦК избрал члена Политбюро ЦК КПСС тов. Г. В. Романова секретарем ЦК КПСС.

Пленум ЦК утвердил кандидата в члены Политбюро ЦК КПСС тов. М. С. Соломенцева председателем Комитета партийного контроля при ЦК КПСС.

Пленум ЦК избрал тов. В. И. Воротникова кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС.

Пленум ЦК перевел из кандидатов в члены ЦК КПСС товарищей С. Ф. Ахромеева — первого заместителя начальника Генерального штаба Вооруженных Сил СССР, Б. В. Бальмонта — министра станкостроительной и инструментальной промышленности, В. И. Кочемасова — Чрезвычайного и Полномочного Посла СССР в ГДР, В. М. Чердинцева — комбайнера колхоза «Рассвет», Оренбургская область, В. М. Шабанова — заместителя министра обороны СССР.

Пленум ЦК вывел из состава ЦК КПСС Н. А. Щелокова и С. Ф. Медунова за допущенные ошибки в работе.

На этом Пленум ЦК КПСС закончил работу.

П Л Е Н У М Ц К К П С С

СЫ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ
ОЙ РАБОТЫ ПАРТИИ

рост авторитета и влияния мирового коммунистического и рабочего движения, прогрессивное развитие стран, сбросивших ярмо колониального гнета, подъем национально-освободительной борьбы, огромный размах антивоенного движения все более глубоко воздействуют на сознание народов во всем мире. Империалистическая реакция, прежде всего правящая верхушка США, вынашивая бредовые планы мирового господства, своей агрессивной политикой подталкивает человечество на грань ядерной катастрофы. Против Советского Союза, стран социализма ведется беспрецедентная по своим масштабам и оголтелости психологическая война. Не гнушаясь ложью и клеветой, буржуазная пропаганда стремится очернить социалистический строй, подорвать социально-политическое и идейное единство нашего общества. Поэтому особую важность сегодня приобретают классовая закалка трудящихся, бескомпромиссная борьба против буржуазной идеологии.

Пленум положительно оценивает работу по улучшению дела воспитания и пропаганды, проведенную партийными организациями в соответствии с решениями XXVI съезда КПСС, постановлением ЦК от 26 апреля 1979 г. Вместе с тем Пленум отмечает, что серьезные недостатки в этой сфере устранены не полностью, не все партийные комитеты проявляют к ней должное внимание. Еще дают себя знать такие нетерпимые явления, как отрыв от потребностей практики, формализм и парадность. Дальнейшее совершенствование идеологической деятельности, повышение ее результативности — одна из важнейших задач партии.

I

Центральный Комитет КПСС единодушно одобряет программные положения и выводы, содержащиеся в речи Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Ю. В. Андропова на Пле-

нуме, и считает, что они должны быть положены в основу всей деятельности партийных организаций.

Идеологическую, воспитательную, пропагандистскую работу необходимо решительно поднять на уровень тех больших и сложных задач, которые решает партия в процессе совершенствования развитого социализма. Массово-политическая работа призвана крепить единство партии и народа, повышать коммунистическую убежденность, политическую активность трудящихся, развивать их творческую энергию. Формирование сознания коммунистов и всех членов нашего социалистического общества — задача не только идеологических работников. Это — дело всей партии.

Для повышения действенности идеологической работы у нас есть все необходимое. Это реальные завоевания социализма, имеющие всемирно-историческое значение, это наше великое революционное учение, сложившаяся система и накопленный опыт коммунистического воспитания, мощный информационно-пропагандистский аппарат, квалифицированные, преданные делу партии идеологические кадры. Следует более эффективно использовать богатый арсенал средств просвещения и воспитания, применять их более активно, творчески, учитывая, в частности, значительно возросший уровень образованности и запросов советских людей. Необходимо последовательно строить идейно-воспитательную работу на прочном фундаменте социально-экономической политики партии. Она должна быть наполнена глубокими идеями, тесно связанными с реальностями сегодняшней жизни и указывающими путь дальнейшего движения вперед.

Сила идейно-воспитательной работы, как и политики партии в целом,— в ее научной обоснованности, в опоре на самую передовую, постоянно развивающуюся марксистско-ленинскую теорию. Коллективная мысль КПСС обогатила научный коммунизм учением о развитом социализме. Партия определила, что советское общество находится в начале этого исторически длительного этапа, раскрыла реальную динамику его развития. Это требует активизировать научный поиск, обеспечить решительный поворот научных учреждений, всех ученых-обществоведов к ключевым практическим задачам, стоящим перед страной.

Партия и государство ждут от экономистов, философов, историков, социологов, психологов, правоведов разработок надежных путей повышения эффективности производства, исследований закономерностей становления бесклассовой структуры общества, интернационализации социальной жизни, развития социалистического народовластия, общественного сознания, проблем коммунистического воспитания. Особенно актуальны такие вопросы, как стимулирование научно-технического прогресса, улучшение системы управления и планирования, обеспечение приоритета общенародных, государственных интересов, совершенствование распределительных отношений, принципы научно обоснованного ценообразования и т. д. Надо шире изучать все лучшее в опыте братских стран социализма. Необходим глубокий анализ новых явлений в международных отношениях, развитии мирового социализма, в мировом революционном процессе, новых аспектов и сторон общего кризиса капиталистической системы. Научные разработки должны выливаться в практические рекомендации, давать обоснованные социальные прогнозы.

Одна из важнейших задач пропаганды и агитации — всемерно способствовать решению кардинальных народнохозяйственных проблем: интенсификации производства, быстрейшему внедрению достижений науки и техники, осуществлению Продовольственной и Энергетической программ, обеспечению рационального использования производственного потенциала страны, подъему производительности труда и на этой основе — дальнейшему укреплению экономического и оборонного могущества нашей Родины, росту народного благосостояния.

В борьбе за выполнение государственных планов, повышение качества продукции, лучшее использование производственных мощностей, сырья, энергии, рабочего времени, капитальных вложений, за укрепление организованности и ответственности, в борьбе против косности и бюрократизма, ведомственности и местничества формируются гражданские качества социалистического труженика, потребность в добросовестном труде на общее благо. Следует всеми средствами пропаганды поддерживать начинания новаторов производства, популяризировать такие организационные, экономические, моральные меры, которые побуждали бы руководителей и рабочих, ученых и конструкторов к обновлению техники и способствовали бы сокращению ручного труда. Всецело подчинить экономическую пропаганду и экономическое воспитание потребностям интенсификации народного хозяйства, выработке современного экономического мышления, социалистической предприимчивости и деловитости. Экономическую учебу на предприятиях вести в тесной связи с производственным обучением, рассматривать ее как одно из средств повышения эффективности производства.

Незыблемая основа коммунистического воспитания — формирование марксистско-ленинского мировоззрения. Важно добиваться глубокого усвоения всеми коммунистами, трудящимися революционного учения Маркса, Энгельса, Ленина, дающего ключ к постижению и решению сложнейших проблем общественного развития. Центральный Комитет считает необходимым улучшить пропаганду марксизма-ленинизма, истории и политики партии, опыта ее деятельности на различных этапах борьбы за социализм. Следует изменить стиль работы сети партийного просвещения, массовой политической учебы. Всемерно развивать активные формы занятий, придать им большую практическую направленность, искоренять начетничество и формализм. Смысл политической учебы в том, чтобы каждый глубоко понимал политику партии, умел применять на практике полученные знания, ясно представлял себе и выполнял на деле свой общественный долг. Совершенствовать подбор и обучение пропагандистов, шире использовать метод политического самообразования коммунистов. Считать целесообразным создание Всесоюзного дома политического просвещения. Обеспечить повышение идейно-теоретического уровня преподавания общественных дисциплин в учебных заведениях, всемерно развивать интерес к их изучению, усилить контроль за качеством подготовки преподавателей-обществоведов. Разработать новые учебники и учебные пособия по марксизму-ленинизму.

Источник идейной убежденности советского человека — историческая правота нашего дела, революционно-преобразующий характер марксистско-ленинского учения, преимущества социалистического строя. Следует ярко раскрывать политические права и свободы граждан СССР, социальные и духовные достижения нашего общества. Намеченная в теории великая цель, о которой мечтали поколения коммунистов, лучшие умы человечества,— уничтожение эксплуатации и угнетения — давно уже стала реальностью советского общества. Ныне делом практической политики является стирание классовых различий, становление социальной однородности общества. Важная задача идейно-воспитательной работы — добиваться того, чтобы революционная идеология и мораль рабочего класса, его коллективистская психология, интересы и взгляды определяли духовный облик всех советских людей. Пропагандируя успехи социализма, необходимо вместе с тем показывать пути преодоления трудностей, возникающих в процессе нашего развития.

Братский союз наций и народностей СССР, их совместный труд, прогрессирующее сближение, взаимообогащение национальных культур — важнейшие факторы укрепления сплоченности советского народа, успешного решения задач воспитания в духе социалистического интернационализма. Надо вести его широко, настойчиво, в органической связи с патриотическим воспитанием, выступать с позиций партийной принципиальности и непримиримости к любым проявлениям национальной ограниченности или национального нигилизма, бережно относиться к чувствам и достоинству людей всех национальностей.

Необходимо активнее вести пропаганду научно-материалистических взглядов среди населения, уделять больше внимания атеистическому воспитанию. Шире вовлекать верующих в общественную жизнь, настойчивее внедрять советскую обрядность.

Следует умело и творчески пропагандировать советский образ жизни, фундаментальные ценности социализма. Надо поддерживать все передовое в общественной практике, утверждать и ярко раскрывать новое качество жизни трудящихся масс, включающее в себя коллективизм и товарищество, нравственное здоровье и социальный оптимизм, уверенность каждого человека в завтрашнем дне, высокую культуру труда и потребления, поведения и быта. Успех в воспитательной работе немыслим без последовательной борьбы за строгое соблюдение социалистического принципа распределения, правильное использование общественных фондов потребления.

Упрочение социалистического сознания идет в упорном противоборстве с рецидивами мелкобуржуазной психологии, с проникающим по разным каналам идеологическим влиянием империалистической пропаганды на сознание некоторой части населения. Необходимо создавать обстановку нетерпимости к таким явлениям, как использование государственного, общественного имущества в целях личного обогащения, спекуляция, взяточничество, всякого рода паразитирование на гуманизме нашего строя. Последовательно опираться в борьбе с ними на активность масс, на неотвратимую силу закона, вести целенаправленную работу по формированию разумных потребностей, интересов личности.

Задача партийной пропаганды — нести людям правду о миролюбивом ленинском внешнеполитическом курсе, мирных инициативах КПСС и Советского государства, направленных на обуздание гонки вооружений, коренное оздоровление международных отношений. Сохранение мира на земле — это и сегодня, и в обозримом будущем стержневая проблема внешней политики нашей партии. Пропаганда должна содействовать укреплению дружбы и сотрудничества СССР с другими социалистическими государствами, сплочению международного коммунистического и рабочего движения, успехам национально-освободительной борьбы народов. Надо последовательно и настойчиво разоблачать врагов мира и прогресса, милитаристские планы империализма, в первую очередь американского, который является сегодня источником нависшей над человечеством угрозы мировой войны.

Пропаганда призвана убедительно раскрывать антинародную сущность империализма, его политики и идеологии, неспособность буржуазного общества устранить социальные язвы, национальную и расовую несправедливость. Следует развивать политическую бдительность советских людей, их непримиримость к враждебным взглядам, умение противостоять идеологическим диверсиям классового противника, оппортунистическим и ревизионистским наскокам на реальный социализм. Активный отпор антисоветизму и антикоммунизму — это постоянное направление деятельности партийных комитетов, средств массовой информации. Необходима хорошо продуманная, единая, динамичная и эффективная система контрпропаганды.

II

Действенным инструментом идеологической работы партии являются печать, телевидение и радио. В нашем обществе пресса — важнейший институт социалистической демократии, средство привлечения трудящихся к обсуждению и решению злободневных вопросов, формирования общественного мнения. Она успешно вы-

полняет свою воспитательную и организующую роль, когда концентрирует внимание на главных направлениях деятельности партии и народа, серьезном анализе проблем, распространении передового опыта. Выступления печати, телевидения и радио должны увлекать и убеждать глубиной проникновения в жизнь, аргументированностью доводов, свежестью мысли и слова, умело пропагандировать преимущества нашего строя, ярко раскрывать характер и облик строителя нового общества — подлинного героя нашей эпохи.

Партийным комитетам следует по-деловому, без мелочной опеки направлять работу средств массовой информации и пропаганды, повышать их боевитость и авторитет, обеспечивать поддержку принципиальным выступлениям. Остро реагировать на факты невнимательного отношения к проблемным и критическим материалам.

Руководители министерств и ведомств, советских и общественных организаций должны наладить систематическое информирование прессы о деятельности органов управления, характере решаемых проблем. Они обязаны по существу отвечать на выступления печати, телевидения, радио, своевременно сообщать в редакции о принятых мерах.

Современные условия требуют совершенствования сложившейся структуры печати, в частности ведомственной, решения назревших проблем городских и районных газет. Особое внимание надо уделить повышению содержательности и оперативности информационных программ телевидения. Ускорить разработку мер по укреплению материально-технической базы средств массовой информации, книгоиздательского дела, с учетом их растущего значения.

Обеспечить улучшение подготовки и повышение квалификации журналистских кадров. Развивать традиции массового рабселькоровского движения. Воспитывать журналистов как активных, смелых разведчиков нового, стойких политических бойцов. Их должны отличать высокая идейность и компетентность, безупречная журналистская этика.

Испытанным средством партийного влияния на массы является устная пропаганда. Необходимо шире использовать ее возможности для живого, доверительного общения с людьми, откровенного разговора о волнующих их вопросах. Считать важной обязанностью руководителей партийных комитетов, министерств и ведомств, советских и хозяйственных организаций систематические выступления непосредственно в трудовых коллективах. Держать под строгим партийным контролем реализацию замечаний и предложений трудящихся. Следует улучшить информирование и инструктирование агитаторов, политинформаторов, пропагандистов, лекторов, учить их умению говорить с аудиторией живо и увлекательно, убеждать, вести за собой людей.

Большой вклад в обогащение духовной жизни трудящихся, в их воспитание на коммунистических идеалах вносят литература и искусство социалистического реализма. В основе достижений советской многонациональной художественной интеллигенции — ее преданность делу партии, прочная связь с жизнью народа.

В партийном руководстве развитием культуры необходимо органически сочетать бережное, уважительное отношение к таланту с высокой принципиальностью и требовательностью. Задача творческих союзов и объединений — воспитывать деятелей культуры в духе ответственности перед народом, укреплять в их среде обстановку идейной, нравственной и эстетической взыскательности. Главным методом влияния на художественное творчество должна быть марксистско-ленинская критика — активная, чуткая, внимательная к творческому поиску. Вместе с тем ее долг — давать четкую, партийную оценку работам, в которых высказываются чуждые нашему обществу, нашей идеологии взгляды, допускаются отступления от исторической правды. Критика не может снисходительно относиться и к художественно слабым, серым произведениям. Необходимо проявлять постоянное внимание к развитию самодеятельного творчества, приобщению масс к ценностям культуры. Усилить персональную ответственность руководителей органов печати и учреждений культуры за идейное содержание и художественный уровень публикаций и репертуара.

III

Пленум ЦК КПСС обязывает партийные комитеты значительно улучшить руководство идеологической, массово-политической работой. Необходимо, чтобы партийные комитеты, их первые секретари глубоко вникали в ее состояние, добивались тесного единства идейно-воспитательной работы с организационно-партийной и социально-экономической деятельностью.

Партийным организациям, Советам народных депутатов, профсоюзам и комсомолу следует сочетать политическое просвещение масс с их активным вовлечением в управление делами общества и государства, в организацию контроля. Расширить практику участия трудящихся в предварительном обсуждении проектов решений по крупным вопросам государственной и общественной жизни. Обеспечивать широкую гласность в работе органов управления, воспитывать у каждого труженика чувство сопричастности общему делу. Повышать ответственность руководящих кадров за воспитательные последствия хозяйственной деятельности. Одобрить практику обсуждения на совещаниях у хозяйственных руководителей вопросов воспитания. Шире использовать воспитательную силу социалистического соревнования, движения за коммунистическое отношение к труду. Направить усилия соревнующихся на достижение таких целей, как повышение качества продукции, улучшение использования производственных мощностей и всех видов ресурсов. Обратить особое внимание на выработку и внедрение эффективных форм идейно-воспитательной деятельности в условиях агропромышленных объединений, производственных бригад.

Партийным комитетам настойчиво добиваться единства идейно-политического, трудового и нравственного воспитания, улучшения координации средств идеологического воздействия, усилий общественных организаций, трудовых коллективов, семьи и школы, охватывать идейным влиянием все социальные группы. Систематически распространять лучший опыт работы, повысить в этом роль идеологических комиссий. Решительно бороться с шаблоном, с подменой существа дела формой. В идейно-воспитательной работе нетерпимы бумаготворчество и заседательская суета, оценка ее по сугубо количественным показателям. Главный критерий ее эффективности — уровень политического сознания и трудовой активности масс.

Все усилия по организации идейно-воспитательной работы в конечном счете реализуются в трудовом коллективе. Сюда и должно направляться основное внимание, здесь должны быть сосредоточены лучшие пропагандистские кадры. Партийные комитеты обязаны повышать роль и значение первичных партийных организаций как ведущей силы и политического ядра трудовых коллективов, их ответственность за решение социально-экономических вопросов, коммунистическое воспитание трудящихся, за укрепление организованности и сознательной дисциплины, за развитие критики и самокритики.

Партия постоянно заботится о подрастающем поколении, на плечи которого в ближайшие десятилетия ляжет ответственность за судьбы общества. Задача партийных организаций, комсомола — шире привлекать молодежь к общественно-политической деятельности, воспитывать ее в духе преданности коммунистическим идеалам, развивать чувство гордости за свою страну, стремление личным трудом содействовать ее расцвету, прививать любовь к Вооруженным Силам СССР, укреплять готовность к защите социалистической Родины. Уделять неослабное внимание всем социальным группам и возрастным категориям молодежи — рабочей и колхозной, учащейся и армейской, в полной мере учитывать их особенности. Наполнять жизнь комсомольских организаций большим общественным содержанием, искоренять проявления заорганизованности и парадной шумихи.

Поднять уровень воспитательной работы в школах и ПТУ. Последовательно проводить ленинские принципы единой, трудовой, политехнической школы, воспитывать у школьников привычку и любовь к общественно полезному труду, расширять их идейный кругозор, формируя прежде всего у каждого из них высокие качества гражданина социалистического общества, активного строителя коммунизма. Полнее использовать возможности школы в эстетическом и физическом воспитании. Возвышать престиж и авторитет учителя, больше заботиться о его квалификации, условиях работы и быта. Значительно улучшить подготовку в вузах и техникумах специалистов для ведущих отраслей народного хозяйства, идейно-политическую закалку студенчества.

Всемерно совершенствовать массово-политическую работу по месту жительства. Повысить роль культурно-просветительных учреждений в организации досуга трудящихся, особенно на селе. Развивать массовую физическую культуру и спорт. Распространять опыт создания в каждом районе культурно-спортивных комплексов с подчинением их независимо от ведомственной принадлежности местным Советам.

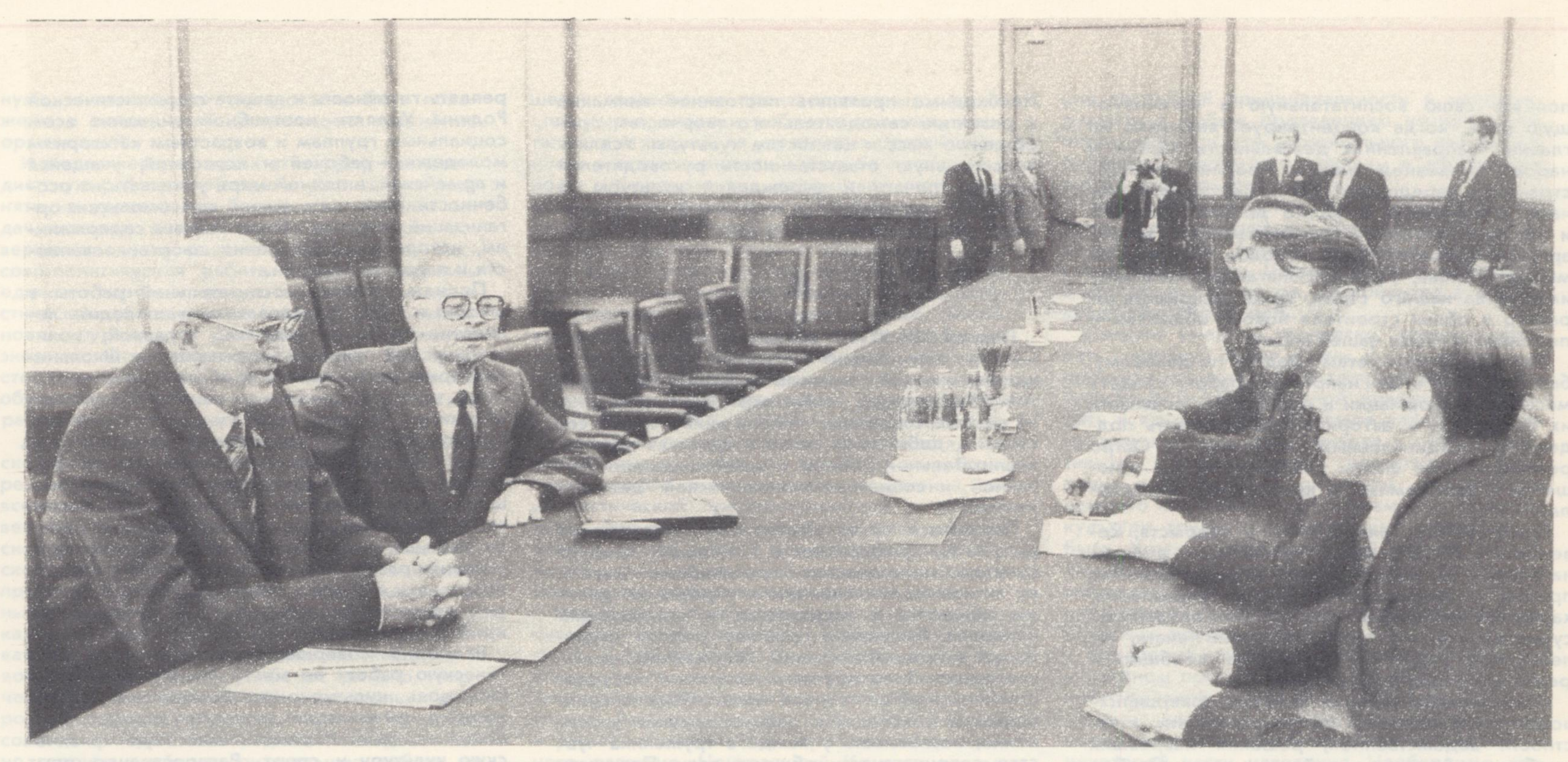
Важно вести систематические научные исследования эффективности воспитательной работы. Шире внедрять опыт по созданию в этих целях при партийных комитетах научно-методических центров и групп. Академии наук СССР, Академии общественных наук при ЦК КПСС внести предложения о повышении роли социологических исследований в постановке воспитательной деятельности, об организации на базе Института социологических исследований Академии наук СССР Всесоюзного центра по изучению общественного мнения.

Ключевое звено идеологической работы — кадры. Все партийные комитеты — республиканские, краевые, областные, окружные, городские, районные — должны иметь специально подготовленные кадры, способные умело организовать идеологическую работу с различными группами населения и отвечать за нее. Им следует создавать необходимые условия, заботиться о систематическом повышении их идейно-теоретического уровня и профессионального мастерства. Осуществить дополнительные меры по совершенствованию системы подготовки и переподготовки всех категорий идеологических кадров. Идеологические кадры должны являть собой образец коммунистической идейности, высокой требовательности к своему труду, ответственности за порученное дело.

* * *

Претворение в жизнь линии партии на совершенствование развитого социализма позволит сделать новый большой шаг вперед в коммунистическом созидании, еще убедительнее продемонстрирует преимущества социалистического строя, увеличит его притягательную силу. Для коммунистов нет обязанности почетнее, чем нести в массы великие идеи марксизма-ленинизма, раскрывать неразрывную связь политики партии с насущными интересами людей, еще выше поднимать общественную активность трудящихся.

Пленум ЦК КПСС выражает твердую уверенность, что идеологические кадры, все коммунисты отдадут свои силы, энергию и талант благородному делу коммунистического воспитания, продолжат и творчески обогатят славные традиции большевистской пропаганды, добьются новых успехов в реализации исторических задач, стоящих перед Коммунистической партией и советским народом.

Во время беседы. Фото В. Мусаэльяна и Э. Песова (ТАСС)

БЕСЕДА Ю. В. АНДРОПОВА С М. КОЙВИСТО

7 июня в Кремле состоялась беседа Генерального секретаря ЦК КПСС, члена Президиума Верховного Совета СССР Ю. В. Андропова с Президентом Финляндской Республики М. Койвисто. В ходе беседы, прошедшей в атмосфере дружбы и взаимопонимания, имел место обмен мнениями по вопросам, представляющим взаимный интерес.

ОТЪЕЗД ПРЕЗИДЕНТА ФИНЛЯНДСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ИЗ МОСКВЫ

8 июня находившийся в Советском Союзе с официальным визитом по приглашению Президиума Верховного Совета СССР и Советского правительства Президент Финляндской Республики М. Койвисто отбыл из Москвы в Киев.

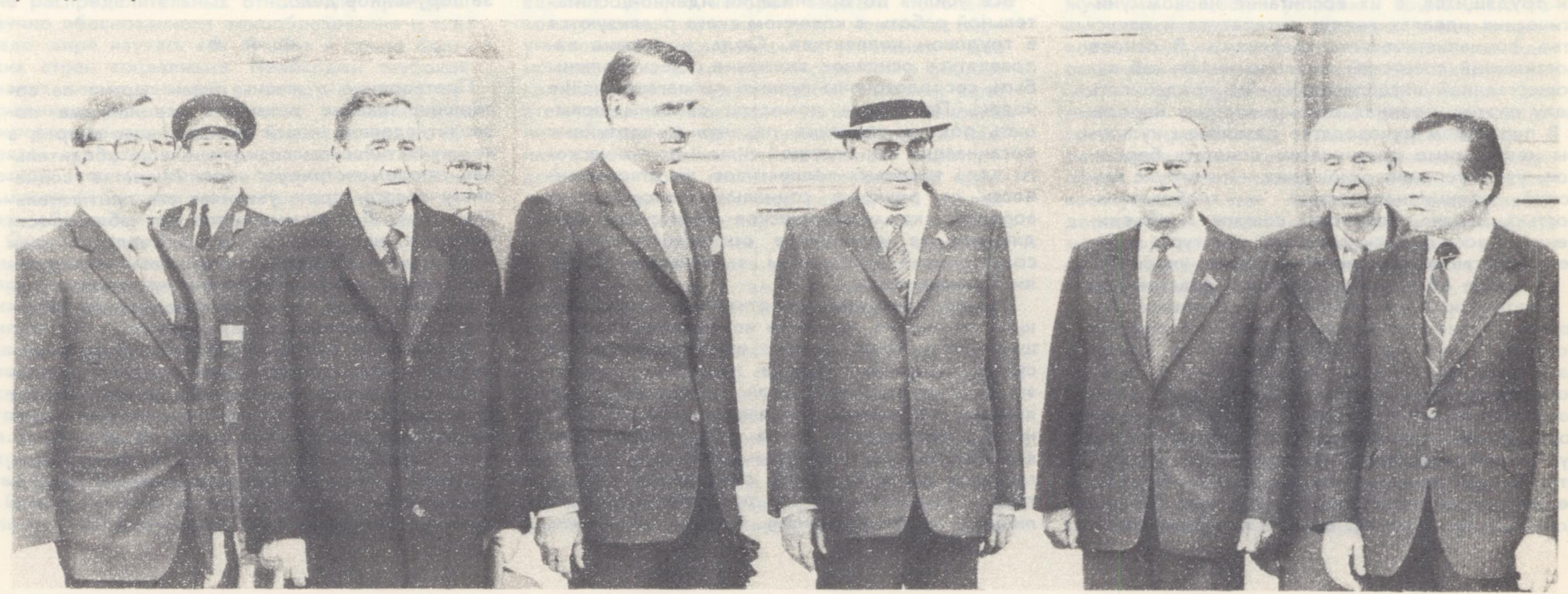
Перед отлетом в Кремле, на площади у Большого Кремлевского дворца, где были подняты государственные флаги Финляндии и СССР, состоялась церемония проводов высокого гостя.

С Президентом Финляндской Республики М. Койвисто тепло попрощался Генеральный секретарь ЦК КПСС, член Президиума Верховного Совета СССР Ю. В. Андропов.

В церемонии приняли участие член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР Н. А. Тихонов, член Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР В. В. Кузнецов, министр внешней торговли СССР Н. С. Патоличев, а также прибывшие вместе с Президентом в Советский Союз премьер-министр К. Сорса, другие государственные деятели Финляндии.

На Внуковском аэродроме Президента Финляндской Республики провожали Н. А. Тихонов, А. А. Громыко, В. В. Кузнецов, а также заместитель Председателя Совета Министров СССР Г. И. Марчук, секретарь Президиума Верховного Совета СССР Т. Н. Ментешашвили, министры СССР, другие официальные лица. Проводить Президента прибыли представители трудящихся Москвы.

Проводы в Кремле. Фото А. Гостева

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

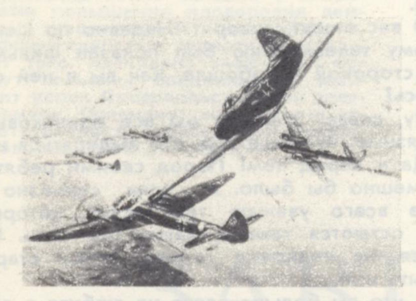

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 25 (2918)

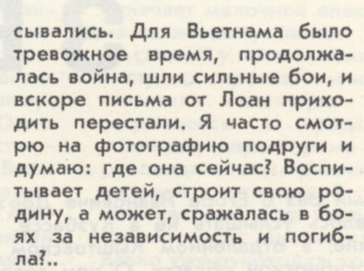
18 ИЮНЯ 1983

В НОМЕРЕ:

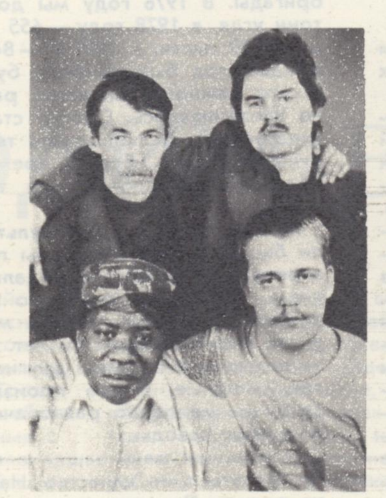

КОГДА ВЫРАСТУТ ДЕТИ

Пишет вам коренная бакинка, мать двоих детей. В школе у нас был английский, и я никогда не думала, что придется выучить другие языки. А началось все с переписки.

Однажды мой адрес напечатали болгарский журнал «Наша родина» и югославский журнал «Студио». Мне начали приходить письма из этих стран. С тех пор, вот уже три года, продолжается переписка с друзьями. Из Болгарии мне пишут на болгарском, из Югославии — на сербскохорватском. Я сначала отвечала по-русски, но однажды попробовала написать на их родном. Вооружилась словарями, и знаете, стало получаться! Мне кажется, что если будет любовь к языку другого народа и упорство, выучиться нетрудно. И если бы сейчас пришлось

встретиться с друзьями, я смогла бы говорить с ними без переводчика.

Эти письма открыли в моей жизни как бы новую страницу. Захотелось побольше узнать из истории других стран, еще глубже познакомиться с культурой братских народов. У меня есть альбом, где я собираю открытки с видами городов Болгарии, почтовые марки. Когда прочитала в «Огоньке» о конкурсе «Мы — интернационалисты», вспомнила одну фотографию из моего семейного альбома. После школы в нашем ПТУ-76 вместе со мной училось много вьетнамцев. Жили они совсем недалеко от нашего дома, в общежитии. С одной из девушек, по имени Дау Тхи Лоан, мы очень подружились. Я помогала ей по русскому языку, много рассказывала о Советском Союзе. Когда она с друзьями уехала на родину, мы долго переписывались. Для Вьетнама было тревожное время, продолжалась война, шли сильные бои, и вскоре письма от Лоан приходить перестали. Я часто смотрю на фотографию подруги и думаю: где она сейчас? Воспитывает детей, строит свою родину, а может, сражалась в боях за независимость и погибла?..

Училище наше наградили вьетнамским орденом за подготовку рабочих кадров для братской страны, и сейчас в нем учатся ковроткачеству парни и девушки не только из Вьетнама, но и из Лаоса, Кампучии, Монголии...

А совсем недавно я провожала мужа из Баку в Таллин. В аэропорту разговорились с африканцем, который тоже летел этим рейсом. Эдуард Мария Карлос из Мозамбика в ря-

дах ФРЕЛИМО боролся с оружием в руках за свободу своей страны. Как он радовался, что у него теперь есть друзья в Баку, городе, где он учился, и в Таллине, где проходила его практика. В первом же письме от Эдуарда из Мозамбика были такие строчки: «Вы помогли мне лучше узнать советских людей. Я увез из Советского Союза не только знания, но и любовь к вам, мои дорогие». На снимке, который я вам посылаю, Эдуард сфотографирован с мужем и его товарищами в Таллине.

Эти снимки, письма от друзей я храню. Когда вырастут мои дети, они их увидят, а мы многое расскажем. Верю, что они продолжат традиции семьи, подружатся с детьми наших друзей. Я мечтаю увидеть их настоящими интернационалистами.

Лилия ЛЫО

Баку.

НЕСКОЛЬКО ВОПРОСОВ РАБОЧЕМУ ЧЕЛОВЕКУ

Высокие звезды

В первый раз о Егоре Ивановиче Дроздецком довелось услышать не в Кузбассе, а на его родине, в отдаленном Кыштовском районе Новосибирской области. О нем говорили земляки, говорили с уважением и гордостью. По этим рассказам невольно сложился портрет человека, и каково же было удивление, когда при встрече я сразу его узнал, потому что представлял именно таким. Невысокого роста, худощавый, с резкими, стремительными движениями и необычайно простой в общении дважды Герой Социалистического Труда бригадир шахты «Нагорная», которая находится неподалеку от Новокузнецка.

— Егор Иванович, разрешите поздравить с высокой правительственной наградой — присвоением во второй раз звания Героя Социалистического Труда.

— Большое спасибо.

— Мы часто говорим и пишем: рабочая честь. Но не так часто вникаем в смысл этих слов. А как понимаете их вы?

— Я понимаю так. Рабочим, настоящим рабочим становятся не после записи в трудовой книжке и даже не после того, как человек овладеет профессией. Пусть и в совершенстве. Надо морально дорасти до этого звания. Надо стать хозяином. Надо, чтобы твоя совесть стала главным контролером. Это в общих словах. А конкретно... Трудится у нас в бригаде машинистом комбайна Владимир Семенков. Он не выйдет из шахты, если не выполнит норму. Он не пройдет мимо, если увидит беспорядок или нарушение. По-иному он просто не может. Как председатель участкового профсоюзного комитета Владимир постоянно следит за соблюдением техники безопасности. Внес десятки предложений по ее улучшению. Вроде бы по мелочам эти предложения, но в нашем шахтерском деле иная мелочь равняется человеческой жизни. Для Владимира на шахте нет «своего» и «чужого». Здесь для него все свое. Вот это, по-моему, и называется рабочей честью. Ее мы стараемся воспитывать у тех, кто приходит в наш коллектив.

— Кстати о коллективе. В Кузбассе не раз приходилось слышать: «Бригада Дроздецкого». Подразумевались под этим крепкая дисциплина, рабочая сметка, высокие результаты. В чем же секрет? Может, люди особые?

— Ну, насчет Дроздецкого, пожалуй, палку перегнули. Я ведь не один работаю. А люди у нас в бригаде обычные. Восемьдесят шесть человек. Даже если захочешь, все равно столько идеальных не наберешь. Дело в другом. Вот старые, опытные рабочие: Федор Булатов, Анатолий Кусакин, Валентин Курбайтис, тот же Владимир Семенков, люди с крепким понятием рабочей чести, о которой уже говорили. И приходит новичок. Ему помогут, подскажут, но в то же время строго спросят, если потребуется. Потому что имеют на это моральное право. Есть такие люди — значит, есть и коллектив. Нет их — нет и коллектива.

Три квартала подряд наша бригада занимала первые места по Министерству угольной промышленности, за долгие годы мы ни одного человека не уволили за нарушение трудовой дисциплины. Не было несчастных случаев. Все только потому, что бригада существует не просто как производственная единица, а как коллектив людей, объединенных общим делом, общей совестью и общей ответственностью.

— Всем хорошо известны, а шахтерам в особенности, образные слова о том, что уголь — хлеб промышленности. Не потеряли они своего значения, актуальности и сейчас. Потому что нет-нет да и встречаются на некоторых предприятиях перебои с этим хлебом. Что, на ваш взгляд, нужно сделать, чтобы таких перебоев не было совсем?

— Пожалуй, Америки я не открою, если скажу, что все зависит от повышения производительности труда — только от нее. Приведу несколько цифр, которые касаются нашей бригады. В 1976 году мы добыли 372 тысячи тонн угля, в 1978 году — 655 тысяч, в 1980 году — 700 тысяч, в 1982-м — 840 тысяч. То есть каждый год был прирост, будет он и нынче. И что важно: количество рабочих при этом не увеличивалось. Просто стали более квалифицированно использовать технику, научились лучше работать, беречь время, и все это при обязательном соблюдении трудовой дисциплины.

Могли бы быть эти результаты лучше? Могли бы. Два года назад мы получили механизированный комплекс. Ждали его с нетерпением. И каково же было разочарование — прибыл комплекс той же марки, какой был у нас уже более десяти лет. А мы знаем, что за это время созданы другие комплексы, более мощные, более производительные. Но слишком медленно разворачиваются некоторые наши заводы.

И коль уж речь зашла о технике, не могу не сказать о ее качестве. Нас, шахтеров, оно не радует. Приведу только один пример. Недавно наша «Нагорная» получила из Горловки новый проходческий комбайн. И этот новый, как говорится, с иголочки, комбайн больше ремонтируют, чем на нем работают. А что такое поломка комбайна в наших условиях? Летит весь ритм производства, летят все графики, люди сутками не выходят из шахты. Вот цена брака. Хочется спросить у горловских товарищей: как же вы выпускали такую продукцию, разве что с закрытыми глазами?

Производительность труда зависит и от настроения, с которым шахтер спускается в лаву. Не могу не сказать о дороге на Кушеяковский разрез. Рабочих туда приходится возить за двадцать с лишним километров на грузовых машинах. Ухабы, пыль. Каково же трястись по ней после смены, после тяжелых часов, проведенных под землей. Нужна асфальтовая дорога, нужны автобусы. Не для роскоши — для дела.

И в конце концов вернусь опять к дисциплине. Можно напрудить технику, можно создать самые распрекрасные условия, но все это будет впустую, если не окажется крепкой рабочей дисциплины. Все надо начинать с нее. Личная дисциплина каждого — в итоге наша общая, государственная. Трудись как положено, добивайся повышения результатов, а уж только потом получай более высокую зарплату. У нас же кое-где выходит наоборот. Рост фонда заработной платы опережает рост производительности труда. Я теряюсь даже, как это назвать... Нужен жесткий спрос в таких случаях и с руководителей и с планирующих органов. Нельзя, стыдно, аморально в конце концов получать незаработанные деньги.

— О вас пишут, говорят. Недавно по Центральному телевидению был показан фильм... Слава стороной не обошла. Как вы к ней относитесь?

— Ну, слава! В шахте мы все одинаковые, все грязные, чумазые. Так что выделяться нечем. Да и перед кем? Перед своими ребятами? Смешно бы было. А если серьезно — больше всего уважаю тех людей, которые всегда остаются такими, какие они есть. Не пыжатся, не задирают голову. Таким стараюсь быть и я.

— А что вы больше всего не любите в людях?

— Мало сказать — не люблю. Ненавижу! Лень и равнодушие. Когда все, как говорится, до лампочки. Я уверен, что все недостатки, прорехи, какие у нас еще есть и в общественной жизни и в производстве, именно от этого. От лени и равнодушия.

— Давайте попробуем вернуться в прошлое. Глухое село Воскресенка в отдаленном районе Новосибирской области, военная пора. И вы, мальчишка той суровой поры. О чем мечталось? И сбылось ли то, о чем мечталось?

— Мечты у меня были простые. Ждал, верил, чтобы отец вернулся с фронта. Хотелось, чтобы хлеб на столе был в доме. Иногда, особенно на сенокосе, лежишь ночью на сене и смотришь в небо. А там — звезды... И неосознанно, неясно тянешься к ним. Но порой и сейчас не покидает это чувство. Значит, своей жизненной мечты я еще не достиг. Значит, успокаиваться рано, надо стремиться к ней. Теперь уже не одному, а детей вести за собой.

— Вы довольны своими детьми?

— Надо сказать, что семья у нас шахтерская. Я со своей женой Раисой Романовной здесь познакомился, когда шли на смену. И дети у меня все на шахте. Дочь Людмила — экономист, Валерий — горнорабочий в моей бригаде, Юрий — слесарь. Он работал наверху, как мы говорим, а недавно ему исполнилось восемнадцать, и он тоже спустился под землю, в шахту. Скажу честно, детьми я доволен, потому что в них верю. Они продолжат мое дело, и я, даже когда уйду на отдых, все равно останусь здесь, в своих детях. Что может быть важнее? А тут вот и внук еще растет. Тянет ручонки: «Деденька, деденька, деденька...»

Ну сами понимаете...

Нужно было сделать снимок, и мы приехали на берег разлившейся Томи. Егор Иванович стоял среди своих сыновей, над ними сияло ярко солнце, в лица им дул свежий ветер, а за спиной стремительно несла свои воды река. Егор Иванович улыбался, его голубые глаза светились радостью, и ему нельзя было не позавидовать.

Михаил ЩУКИН,
собкор «Огонька»

ЗАВТРА ВЫХОДИМ В ПОЛЕ

интервью «огонька»

Дагестанский сельскохозяйственный институт — одно из старейших высших учебных заведений Северного Кавказа. В нем учатся юноши и девушки из разных краев нашей страны, из-за рубежа. Но больше всего среди студентов уроженцев Дагестана и соседних автономных республик.

Более двадцати лет возглавляет ордена Дружбы народов ДСХИ заслуженный деятель науки РСФСР и ДагАССР, доктор ветеринарных наук профессор Магомед Мамаевич ДЖАМБУЛАТОВ. Наш специальный корреспондент С. ШЕРИПОВ попросил ректора рассказать о переменах в жизни института, которые принесла Продовольственная программа, о воспитании нового поколения специалистов.

— Нашему институту пятьдесят лет. Полвека — примечательный рубеж. Судите сами. Когда институт открыли, у нас было двести студентов и пятнадцать преподавателей. Сейчас студентов четыре тысячи шестьсот, а на тридцати двух кафедрах почти триста преподавателей. Более десяти тысяч специалистов вышли из стен Дагестанского СХИ. Хочу подчеркнуть: девяносто процентов выпускников работают по специальности, в основном в нашей и соседних автономных республиках.

— Магомед Мамаевич, вся деятельность выпускников института непосредственно связана с вопросами повышения плодородия земли, увеличением урожайности, эффективностью животноводства... От того, насколько знающими будут сельские специалисты, зависит успех Продовольственной программы. Очевидно, возросла и ответственность профессорско-преподавательского коллектива?

— Мы помнили об этой ответственности. Но верно и то, что с годами возрастает опасность потерять ощущение той живинки в деле, без которой невозможно творчество. Будни учебного процесса порой как бы затушевывают масштаб нашего дела. И вот Продовольственная программа. Ее значение выходит далеко за рамки специфических проблем сельского хозяйства. Мы понимаем, что страна выходит на новую ступень развития экономики и материального благополучия. И тут никто не может остаться в стороне. Тем более коллектив педагогов и специалистов, занятый подготовкой кадров для села, для его новых подразделений — РАПО, созданных по решению майского Пленума ЦК КПСС.

— Главная цель вашего института — укрепление связей с практикой сельскохозяйственного производства. В чем же конкретно это выражается? Институт и прежде имел крупное учебное хозяйство, студенты и прежде получали достаточно прочные практические навыки, на всех факультетах всегда велась научная работа...

— И все же Продовольственная программа потребовала перестройки учебного процесса. Мы, не откладывая дел в долгий ящик, определили самое важное в том или ином учебном курсе. Это не означает утилитарного, одобокого подхода к науке. Мы стараемся сделать учебные курсы более целенаправленными, не отрывающимися от повседневной практики. Вот вы вспомнили наше учебно-опытное хозяйство. Оно победитель в соревновании аналогичных хозяйств на Северном Кавказе и дает довольно большую прибыль. Прежде хозяйство это ограничивалось помощью студентам в приобретении практических навыков. Теперь оно стало как бы полигоном для проверки всего того нового, что рождается на кафедрах института. Возглавляет учхоз кандидат сельскохозяйственных наук, доцент Вагиф Бабаев, вот уже полгода он просто стонет от множества рационализаторских предложений, которыми студенты и преподаватели засыпали его. Он так говорит: «Если у нашего хозяйства много дел — значит, головы у ребят и ученых работают хорошо!»

Радостно отметить, что за последнее время на полях и фермах учебно-опытного хозяйства отработаны новые интересные приемы, получившие высокую оценку у специалистов, в партийных органах республики. Среди этих приемов заслуживают особого внимания работы, связанные с новой методикой силосования, использованием сенажных башен для кукурузного силоса. Наш опыт взяли на вооружение совхозы и колхозы Дагестана.

Все лаборатории института, ветеринарная клиника, вычислительный центр, научно-методические кабинеты работают с полной отдачей и нацелены на конкретные — разумеется, не в ущерб учебным программам — дела. Вот один пример: перестроил свою работу кабинет экономической информации. Студент имеет возможность стать специалистом современного уровня, здесь он получает информацию обо всех тенденциях развития сельской экономики. У нас сейчас активно изучается организация и внедрение хозрасчетных механизированных подразделений на коллективном подряде как в растениеводстве, так и в животноводстве. Изучается и организация межхозяйственных предприятий по механизации и электрификации, опыт Эстонии по переводу совхозов на хозрасчет и так называемый задарьинский вариант, разработанный в Узбекистане... Программно-целевой метод обучения подразумевает большую эрудицию любого студента во всех сферах сельского хозяйства. Агроном должен быть в курсе новинок экономики и ветеринарии, а зоотехник обязан иметь представление о селекции растений и проблемах механизации.

— Расскажите, пожалуйста, о программе воспитания специалистов новой формации.

— От умелого сочетания преподавания и воспитания зависит, станет ли будущий специалист настоящим человеком. Тут все взаимосвязано: и багаж знаний, и внутренний мир сельского интеллигента, и его гражданская позиция, место в обществе. Надо прямо сказать, что имеющиеся возможности каждодневного воспитательного воздействия используются далеко не полностью. Одно из самых действенных средств — личный пример педагогов. Всем известно: любимым преподавателям подражают, с них берут пример. Значит, от того, как велики эрудиция, кругозор, информированность, насколько высока культура общения,— от совокупности этих качеств педагога зависит успех воспитания. Велик комплекс мероприятий по коммунистическому воспитанию всего коллектива института. Мы уделяем большое внимание индивидуальной работе с самими преподавателями. У нас шутят: если бы к студентам относились с той же требовательностью, что и к педагогам!.. Воспитание студента... Здесь все важно. И общежитие, где на общественных началах работает проректор по идеологической и политико-воспитательной работе, и спорткомплекс, один из лучших вузовских, и много различных кружков и самодеятельных коллективов...

— Как, по-вашему, не упустить главного в перспективе?

— Продовольственная программа — это и есть наша перспектива! Четкая, определенная. Крутой поворот к практическим задачам не временная мера, не кампания. Программа — веление сердца, это личное дело каждого... Как подчеркнул Генеральный секретарь ЦК КПСС Ю. В. Андропов в своей недавней речи на совещании первых секретарей ЦК компартий союзных республик, крайкомов и обкомов партии, нужна высокая организованность, мобилизация трудящихся на борьбу за ее выполнение.

Нельзя формально относиться к словам «социальный», «партийный долг». Они выражение гражданской совести, результат творческой неуспокоенности, обостренное понимание тех «болевых точек» нашей жизни, которые требуют пристального внимания. Один даргинец как-то сказал мне: «Мало начать дело, нужно вперед заглянуть, а что будет завтра?» По-даргински это звучит очень складно и красиво! В переводе афористичность теряется. Но суть передана верно. Наше дело — подготовка специалистов. А что дальше? Вот в чем проблема. Как молодые специалисты чувствуют себя в колхозах и совхозах? Удается ли им сохранить тот душевный подъем, с которым они добивались права на диплом? Вот и перспектива: сделать законом продолжение контактов с выпускниками! Мы стремимся знать об их судьбе как можно больше. Приходим на помощь, если необходимо... Это не означает мелочной опеки. Каждый из наших выпускников чувствует, за спиной у него — коллектив. Мы и строго спросить можем! Представители института регулярно встречаются с председателями колхозов, директорами совхозов, руководителями различных организаций автономной республики — тех мест, где поселились наши питомцы. Многие из них сами давно уже руководят хозяйствами, отраслями, ведомствами, сами стали профессорами...

Внедрение рацпредложений, новаторских выдумок, пусть маленьких, но новинок обязательно. И мы внимательно следим за воплощением в жизнь студенческих открытий. Если прежде они не всегда выходили за пределы института, то теперь мы добиваемся, чтобы их практически использовали.

Сейчас в сельском хозяйстве рождается столько нового, что все учебные программы переподготовки устаревают, не успевая дойти до слушателей. Следовательно, необходимо разработать такую методику, чтобы обновление было постоянным.

Наш коллектив хочет добиться, чтобы колхозы и совхозы тоже участвовали в подготовке кадров для себя: студентам следует проходить практику в тех хозяйствах, куда они, возможно, будут распределены на работу. Тогда исследовательскую работу в институте студент поведет, учитывая интересы «своего» хозяйства.

Контакты с колхозами и совхозами обязательны. Мы вместе несем ответственность за качество подготовки молодых специалистов. Хочу пояснить мысль. Если обнаружится, что выпускник недостаточно подготовлен для самостоятельной работы, преподавателям должна быть предъявлена своеобразная рекламация. К сожалению, это почему-то не принято.

Сейчас, когда создаются условия для эффективной работы РАПО, всех звеньев агропромышленного комплекса, сельхозвузы страны должны давать специалистов особой пробы. Таких, которые смогли бы в полной мере использовать свой потенциал — профессиональный, творческий, гражданский.

строка из продовольственной программы

АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВ СССР — 225 ЛЕТ

П. М. СЫСОЕВ,
Главный ученый секретарь Президиума Академии художеств СССР

Мысль о создании Академии художеств в России возникла в начале XVIII века. В 1724 году Петр Первый подписал в сенате «Проект положения об учреждении Академии наук и художеств». Однако его преемники долгие годы не проводили в жизнь эту прогрессивную идею. В ноябре 1757 года сенат указал: «Означенную Академию художеств здесь в С.-Петербурге учредить». Велика заслуга М. В. Ломоносова в этом свершении. Какое «удивление и удовольствие произвести может Россия помощию художеств»,— писал выдающийся ученый. В его труде «Идеи для живописных картин из Российской истории» ярко прослеживается патриотическая и национальная линия. Он явился и автором первого проекта академического устава. «Россия,— говорил Ломоносов,— распространяясь широко по вселенной, прославясь победами, доказавшими преимущества в храбрости и самым высокомысленным супостатам, поставив свои пределы в безопасности и привлекши к себе внимание окрестных народов, яко важнейший член во всей Европейской системе, требует величеству и могуществу своему пристойного и равномерного великолепия, какового ни откуда приобрести невозможно, как от почтенных художеств»...

В XVIII веке в России были образованы Академия наук, Московский университет, первый постоянный русский публичный театр, Академия художеств, сыгравшие выдающуюся роль в формировании отечественной культуры. Деятельность академии привлекала к себе внимание передовых представителей русского искусства. Идеи выдающихся просветителей находят отклик в среде ее преподавателей и воспитанников. Она становится одним из крупнейших мировых художественных центров.

С 1757 по 1917 год ее академиками были М. Ломоносов, В. Баженов, Э. Фальконе, Ф. Рокотов, В. Боровиковский, Д. Левицкий, Д. Бортнянский, Ф. Шубин, Александр Иванов, К. Брюллов, А. Венецианов, В. Тропинин, К. Росси, Т. Шевченко, П. Федотов, В. Перов, И. Крамской, В. Суриков, И. Репин, В. Стасов, П. Третьяков, И. Шишкин, В. Серов, И. Левитан, А. Саврасов, сотни других выдающихся мастеров. Почетными членами русской академии стали 190 художников, архитекторов и ученых из шестнадцати государств.

Видные зарубежные деятели, как правило, обращались с просьбой об избрании их в русскую академию. В журнале Больших собраний 1767 года января 10 имеется, например, такая запись: «По прозьбе господина Дидро, представленной собранию через господина почетного вольного общника Фальконе, чтоб быть приобщену в число почетных вольных общников сей Академии, который по общему собрания согласию в сие достоинство и приобщен, на которое господину правящему дирекциею адъюнкт ректору Кокоринову заготовя диплом, утвердя печатью, представить к подписанию».

Существенной особенностью академии как школы было то, что очень многие ее воспитанники происходили из низов русского общества. В числе первых ее учеников, ставших впоследствии академиками, значились крепостные и сыновья крепостных: Ф. Рокотов, А. Воронихин, Г. Козлов, П. Соколов, позднее, в начале XIX века,— О. Кипренский, В. Тропинин, Т. Шевченко и другие. Ректор академии А. Лосенко — сын крестьянина, профессора скульптуры М. Козловский — сын «галерного флота трубачевского мастера», И. Прокофьев — сын «закройного мастера по конюшенной части», Ф. Щедрин — сын солдата Преображенского полка, Ф. Шубин — сын «черносошного» крестьянина, вице-президент академии архитектор В. Баженов — сын дьякона, ректор академии, скульптор Ф. Гордеев — сын дворцового скотника.

На педагогическом поприще в академии очень скоро ведущее место заняли русские мастера, прославившие отечественное искусство XVIII и начала XIX столетия. Им принадлежит большая роль в развитии русской художественной школы.

В 1785 году состоялась закладка главного здания, специально предназначенного для академии. Сооруженное по проекту А. Кокоринова и Ж.-Б. Валлен-Деламота, строгое, величественное, оно стало выдающимся памятником национального зодчества. В круглом дворе над порталами было начертано: «Архитектура», «Скульптура», «Живопись», «Воспитание», а позднее на стенах появились живописные панно и горельефные композиции на те же темы, аллегорически раскрывающие назначение учебного заведения. Единство обучения и воспитания понималось в широком смысле как формирование человека и художника-патриота. Эти высокие цели играют определяющую роль в подготовке молодых художников и в условиях нашего социалистического общества.

За сравнительно короткий срок своей деятельности в XVIII веке академия сумела воспитать большую плеяду замечательных художников и архитекторов. Они подняли отечественное изобразительное искусство, особенно в области портретного жанра, и зодчество на уровень высших достижений мировой классики. Члены академии создали Дворцовые комплексы в Царском Селе и Петергофе, Зимний и Таврический дворцы, прекрасные здания Академии художеств и Академии наук, Пашков дом в Москве и ансамбль Царицыно в Подмосковье. Гениальный русский архитектор и педагог В. Баженов одним из первых был избран академиком Флорентийской и Болонской академий, профессором Римской академии св. Луки. Известный гравер Н. Уткин стал членом Стокгольмской, Антверпенской и Дрезденской академий художеств, звания почетного члена Марсельской академии был удостоен скульптор М. Козловский, три высшие награды получил А. Лосенко за выставленные в Париже рисунки. Автопортреты академиков О. Кипренского, И. Айвазовского, И. Репина, Б. Кустодиева, Л. Пастернака экспонируются в знаменитой портретной галерее Уффици во Флоренции.

Начиная с середины XIX века академия участвует в организации русских художественных отделов на всемирных и международных выставках, широко представляя отечественное искусство.

Академия художеств внесла большой вклад в развитие культуры всех народов, входивших в состав Российского государства. В ее стенах учились представители многих национальностей: Т. Шевченко, А. Мурашко, Н. Пимоненко, К. Костанди, А. Куинджи, А. Овнатанян, И. Айвазовский, Г. Башинджагян, К. Гун, А. Адамсон, И. Кёлер, Г. Чорос-Гуркин, В. Герсон, С. Зарянко, Ю. Пэн, К. Хетагуров, П. Захаров и другие. В. Стасов писал: «...с каким необыкновенным вниманием и симпатией отнеслась Академия художеств к делу распространения правильного и удовлетворительного рисования на всех пунктах нашего Отечества. Наша Академия оказалась на высоте современных понятий и требований, стараясь дать ход делу, от которого зависит в самой высшей степени эстетическая грамотность и художественное чувство в нашей стране. Известно, что наш народ принадлежит к числу тех, которые одарены природой необыкновенно богато, но множество самых неблагоприятных обстоятельств мешало ему развиться в отношении художественном так, как он бы мог. Теперь поняли, что пора приняться и наверстать потерянное множеством поколений, и благодарная инициатива в этом случае принадлежит лучшим и примечательнейшим нашим художникам».

За два с лишним столетия существования Академии художеств в идеологической жизни происходили крупные социальные изменения, менялись стили и течения в искусстве. В XVIII веке передовым направлением был классицизм, который в России получил высочайшее развитие в великих произведениях искусства и зодчества. Гражданственность, воспевание подвигов на благо Отчизны стали основой этого направления. В дополнительных статьях к Уставу академии 1764 года значилось, что ежегодные программы для живописи и скульптуры должны задаваться, «сообразуясь с истинною и благороднейшею целью искусств, которая состоит в том, чтобы сделать добродетель ощутительною, предать бессмертию славу великих людей, заслуживших благодарность Отечества, и воспламенить сердца и разумы к последованию по стезям соотчичей наших».

Во время Отечественной войны 1812 года многие воспитанники академии вступили в армию; ученики и маститые профессора с особым воодушевлением создавали картины, статуи, гравюры на темы, связанные и со славными подвигами прошлых лет и с героической современностью. В это время рождаются памятник Минину и Пожарскому И. Мартоса, блестящая галерея графических портретов участников войны 1812 года О. Кипренского, сатирические графические листы И. Теребенева и И. Иванова, ставшие первым примером русской политической карикатуры, знаменитые серии памятных медалей Ф. Толстого, будущего вице-президента академии.

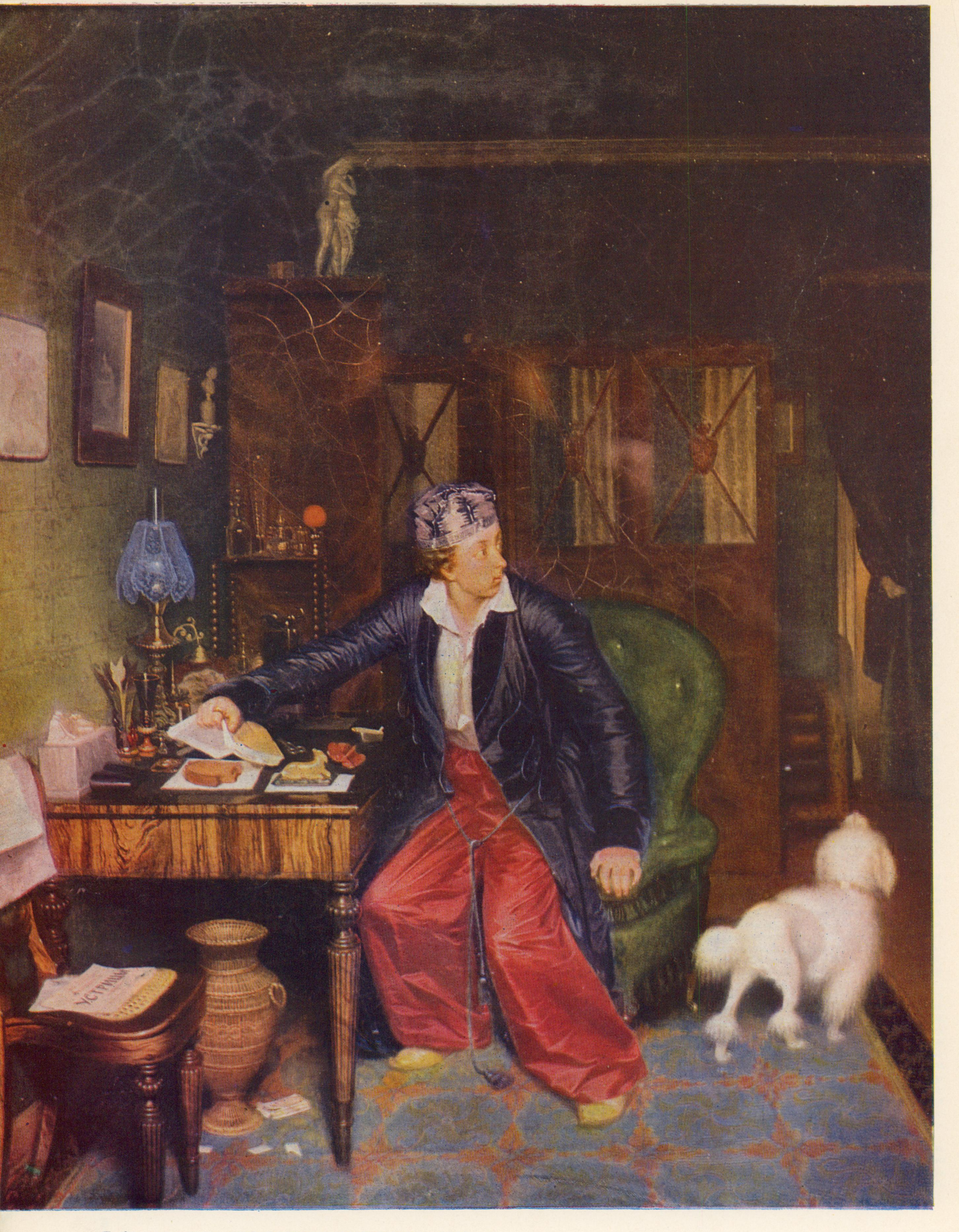
Из стен Академии художеств XVIII — первой половины XIX века вышли великолепный мастер живописного пейзажа Сильвестр Щедрин, знаменитый автор «Последнего дня Помпеи» К. Брюллов, гениальный художник-мыслитель, живописец-новатор Александр Иванов и другие. Лишь немногие из известных мастеров не кончали ее классов, но совершенствовались на основе академической системы. Они также получили впоследствии звания академиков: В. Боровиковский, А. Орловский, А. Венецианов, В. Тропинин, К. Зеленцов, П. Федотов. Возникновение в России блестящей плеяды художников явилось в значительной мере результатом академического образования.

Известный французский архитектор XVIII века Шальгрен в своем письме из Парижа от 28 июля 1784 года сообщал в Петербург об успехах пенсионера А. Захарова: «Дальность расстояния, которая делает людей чуждыми друг другу, не нарушает того чувства единства, которое соединяет художников независимо от того, где бы они ни находились. Таким образом, не будучи лично знаком с вами, я пользуюсь случаем, который мне представляется, чтобы выразить чувства мои Петербургской академии. В настоящий момент под моим руководством работает один из ее учеников — Захаров, способностями и поведением которого я не могу достаточно нахвалиться. Такие люди дают всегда высокое представление о школе, которая их воспитала, и высокую оценку учреждения, которое оказывает такое блестящее покровительство искусствам».

В начале XIX века складывается новое направление — романтизм, плодотворно повлиявший на судьбу академической школы, особенно когда пришел преподавать К. Брюллов. В его мастерской объединилась передовая молодежь. Особое место занимал здесь Тарас Шевченко,

К. Брюллов. 1799—1852. ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ ПОМПЕИ (Фрагмент). 1833.

П. Федотов. 1815—1852. ЗАВТРАК АРИСТОКРАТА. 1849.

освобожденный от крепостной зависимости при непосредственном участии К. Брюллова.

Демократические тенденции в этот период активно развиваются и крепнут. Ярким примером является правдивое, жизненное искусство А. Венецианова и учеников его школы.

На протяжении второй половины XIX века в России борьба двух культур — демократической и реакционной — была особенно острой, и это находило свое отражение в Академии художеств.

Деятельность замечательного критика В. Стасова, усилия П. Третьякова по созданию национальной галереи русского искусства во многом способствовали формированию художников критического реализма. В 1863 году четырнадцать выпускников академии, выражая решительный протест против официального искусства, далекого от жизни, отказались писать конкурсную картину на заранее данную, общую для всех мифологическую тему. Такой небывалый в истории академии факт коллективного выступления молодежи с протестом свидетельствовал, что назрела пора проведения в ее стенах коренных реформ. Прогрессивно настроенная молодежь во главе с И. Крамским покинула академию. Позднее многие из этих живописцев вошли в состав Товарищества передвижных художественных выставок.

В творчестве передвижников, среди которых были И. Репин, В. Суриков, И. Крамской, Н. Ге, Н. Ярошенко и другие, наиболее ярко, полно и многогранно раскрылись и получили дальнейшее развитие принципы критического реализма, основоположниками которого в России были П. Федотов и В. Перов.

Почти все крупнейшие художники-реалисты второй половины XIX века учились в академии и обязаны ей своим блестящим художественным образованием. Здесь можно назвать имена И. Шишкина, В. Верещагина, В. Поленова, В. Васнецова, М. Антокольского, В. Серова. Многие, в том числе и воспитанники Московского училища живописи, ваяния и зодчества — А. Саврасов, В. Перов, В. Пукирев, И. Левитан, Н. Касаткин, С. Иванов, А. Архипов,— были удостоены звания академика и профессора, награждались академическими медалями, получали прабо на пенсионерские поездки за границу.

В то время в академии преподавал П. Чистяков. К нему тянулась талантливая молодежь, его педагогическая система сохраняла и развивала наиболее прогрессивные принципы академического образования, утверждалась и крепла в борьбе с консервативными тенденциями официальной линии. И. Репин называл П. Чистякова «нашим общим единственным учителем», В. Стасов — «всеобщим педагогом русских художников».

Новая глава в истории Академии художеств началась в конце XIX века, когда под давлением передовых сил в искусстве и обществе правительство было вынуждено пойти на реформу, провести некоторые преобразования самой структуры академии, обновить ее состав и изменить учебный процесс. Руководить мастерскими пригласили широко известных художников-передвижников И. Репина, И. Шишкина, В. Маковского, А. Куинджи.

В начале XX века, особенно в годы первой русской революции, среди студентов и сотрудников академии появляются представители революционной социал-демократии. По воспоминаниям Е. Стасовой, И. Гинцбурга, Э. Зиварта известно, что выставочные помещения, мастерские использовались для явочных встреч, для хранения нелегальной литературы, для изготовления печатей и документов революционных организаций, в частности, боевой технической группы большевиков; одним из ее руководителей был большевик Н. Буренин.

Немало академиков и преподавателей Высшего художественного училища подписали опубликованную в мае 1905 года «Резолюцию художников», в которой выдвигалось требование немедленного и полного обновления государственного строя. Мы встречаем здесь имена В. Маковского, В. Поленова, И. Репина, В. Серова, А. Архипова, В. Бакшеева, В. Бялыницкого-Бирули, А. Васнецова, С. Волнухина, И. Грабаря. Протестуя против зверской расправы над участниками мирного шествия к Зимнему дворцу 9 января 1905 года, В. Серов и В. Поленов подали в Собрание академии заявление, а когда оно вопреки существующему порядку не было оглашено, В. Серов вышел из состава действительных членов Академии художеств. Над созданием произведений, посвященных революции 1905 года, активно работали Н. Касаткин, В. Поленов, Н. Ульянов, С. Коненков, Б. Кустодиев. В 1905 году В. Серов написал свои высокогражданственные портреты М. Горького и М. Ермоловой.

В подготовке художников особое значение имела персональная мастерская И. Репина. Как и П. Чистяков, он направлял свою педагогическую и воспитательную деятельность на сохранение и развитие школы высокого реалистического мастерства. «Живопись, рисунок, техника, пластика — все средства должны идти на службу идее»,— говорил он.

Из мастерских, руководимых крупными художниками — И. Репиным, А. Куинджи, Ф. Рубо, Н. Самокишем, В. Беклемишевым, В. Матэ, Г. Залеманом, Л. Бенуа, позднее Д. Кардовским,— вышли многие великолепные живописцы и архитекторы, ставшие затем ведущими мастерами советского искусства. Это Б. Кустодиев, И. Грабарь, И. Бродский, А. Остроумова-Лебедева, М. Греков, М. Авилов, А. Рылов, М. Тоидзе, С. Коненков, М. Манизер, А. Щусев, В. Щуко. Прекрасные художники, они сохраняли и развивали все лучшее, что было накоплено в педагогической системе академии, и сумели передать свой богатый опыт советской художественной школе.

Великая Октябрьская социалистическая революция выдвинула перед искусством новые задачи, коренным образом изменила положение художника в обществе. Изобразительное искусство вышло на улицы и площади, стало участником революционных праздников и массовых представлений. Владимир Ильич Ленин предложил план монументальной пропаганды, предусматривающий создание памятников выдающимся деятелям революционного движения, науки и культуры прошлого.

В первые годы Советской власти большое значение имело творчество мастеров реалистического направления, одухотворенное веяниями новой жизни.

Положение в области художественного образования находилось в поле зрения В. И. Ленина; при его личном участии в 1920 году было подготовлено известное письмо ЦК РКП «О Пролеткультах», сыгравшее значительную роль в борьбе против левацких извращений в искусстве. Тенденции к уничтожению реалистической художественной школы возникали и позднее — в конце 1920-х — в начале 1930-х годов. Делались попытки уничтожить академический музей. Слепки с лучших произведений античности расхищались и уничтожались, музейные произведения продавались и попадали в частные руки, формы со слепками разбивались, выбрасывались. Из богатейшего собрания исчезли некоторые великолепные произведения мировой и отечественной классики, представляющие огромную ценность. Но при решительной поддержке большевистской партии и органов Советской власти, усилиями художников профессиональная реалистическая школа была сохранена.

Весь ход развития первого в мире социалистического многонационального государства, расцвет советской культуры и искусства создали благоприятные условия для учреждения Всесоюзной Академии художеств. Она должна была стать высшим научно-творческим центром в стране по вопросам изобразительного искусства и подготовки высококвалифицированных кадров художников. В сентябре 1947 года Совет Министров СССР принял постановление о преобразовании Всероссийской Академии художеств в Академию художеств СССР.

Созданные мастерами советского изобразительного искусства произведения — это исторические и художественные памятники боевым и трудовым подвигам советских людей. Октябрь, гражданская война, Великая Отечественная, первые пятилетки и годы возрождения, будни наших современников... Своими живописными полотнами, монументальными работами, скульптурными и графическими произведениями, книжными иллюстрациями и плакатами наши художники сказали весомое слово о своем времени. С самых первых шагов советское искусство развивалось в свете ленинских идей, было многонациональным, интернациональным.

В 1979 году в академии было образовано отделение архитектуры и монументального искусства; появились новые, интересные возможности для синтеза искусств, для воплощения новых, интересных творческих идей в градостроительстве, в решении промышленных и сельских комплексов, жилых массивов. Органическое единство живописи, скульптуры и архитектуры, формирование художественной среды, в котсрой мы живем, трудимся, в которой растут наши дети,— задача ответственная и почетная, и члены Академии художеств принимают в ней активное участие. На больших всесоюзных академических выставках произведения, созданные резцом и кистью академиков, всегда привлекают внимание зрителей, оказывая таким образом влияние на вкусы и эстетические пристрастия современников.

В статье «Учение Карла Маркса и некоторые вопросы социалистического строительства в СССР» Генеральный секретарь ЦК КПСС Юрий Владимирович Андропов отметил: «Именно социализм устраняет вековые барьеры, разделявшие труд и культуру, создает высокой прочности союз рабочих, крестьян, интеллигенции, всех работников физического и умственного труда, при ведущей роли рабочего класса. Он приобщает трудящиеся массы к достижениям науки и техники, литературы и искусства, обеспечивает небывалое общественное признание творческой деятельности интеллигенции».

Своим творчеством и разносторонней деятельностью члены Академии художеств СССР предстают перед народом как передовой отряд художников, архитекторов и ученых, прокладывающих новые пути в развитии советского искусства и архитектуры. Их многогранная деятельность получила всенародное признание. Шестнадцать человек стали Героями Социалистического Труда. Тридцать членов академии удостоены Ленинской премии.

Ежегодно вузы Академии выпускают около 260 молодых художников, архитекторов и искусствоведов, представляющих разные союзные и автономные республики. Вместе с ними учатся студенты из стран социалистического содружества и развивающихся стран, из некоторых капиталистических государств. Это свидетельствует о возрастающей международной роли социалистической культуры и советской художественной школы. С 1948 года при академии созданы творческие мастерские для дальнейшего совершенствования мастерства молодых талантливых художников. Они работают в Москве, Ленинграде, Киеве, Минске, Ташкенте, Баку, Тбилиси, Фрунзе, Риге, Казани.

Члены Академии художеств СССР, воспитанники академии своими способностями, талантом, своим искусством стремятся глубоко воздействовать на чувства и разум зрителей, нести в своих произведениях высокие идеи, удовлетворять возросшие духовные запросы советского человека.

В нынешний момент острой конфронтации, когда силы империализма пытаются навязать «холодную войну» и ослабить влияние коммунистических идей, наше искусство борется за мир, правду, добро, утверждает гуманизм, величие идей социализма.

Знаменательная дата — 225 лет Академии художеств — это торжество отечественного многонационального искусства и архитектуры, дореволюционной русской и советской реалистической художественной школы, о чем ярко свидетельствует ретроспективная выставка, посвященная 225-летию Академии художеств СССР, открывшаяся в Москве в Государственной Третьяковской галерее, в Центральном выставочном зале и в залах Академии художеств СССР. Такая уникальная выставка в истории отечественной культуры организована впервые. Она показала, как велика роль академии в развитии искусства народов СССР, в истории мировой прогрессивной художественной культуры, в утверждении исторического величия марксистско-ленинского эстетического и философского учения.

22 ИЮНЯ 1941 ГОДА НАЧАЛАСЬ ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

К концу марта 1943 года фронт на юге нашей страны стабилизировался. Но на Кубани гитлеровское командование, желая взять реванш за разгром под Сталинградом, готовило новое наступление, особое значение придавая своей группировке на Таманском полуострове.

Ощущая недостаток в войсках, противник главную ставку сделал на авиацию, которая по численности чуть ли не в два раза превосходила нашу. 17 апреля враг перешел в наступление с целью уничтожить нашу десантную группу на Мысхако и сорвать наступление советских войск.

Три первых дня были тяжелейшим испытанием, но когда Ставка Верховного Главнокомандования усилила нашу авиацию и численное преимущество противника исчезло, развернулись грандиозные сражения, в которых с каждой стороны противоборствовало до тысячи самолетов! Воздушные бои длились часами, на узком участке фронта ежедневно происходило до сорока воздушных боев, в которых одновременно участвовало по восемьдесят боевых машин!

За восемь дней над Мысхако противник потерял в воздушных боях 182 самолета, на аэродромах было уничтожено и повреждено еще около двухсот! Господство в воздухе перешло в наши руки, фашистские войска были вынуждены отойти в исходное положение и прекратить наступление.

26 мая войска Северо-Кавказского фронта начали наступление, но противник успел подтянуть новые силы авиации численностью до 1400 самолетов, сосредоточил над полем боя 600 бомбардировщиков и перехватил инициативу в воздухе.

В жесточайших боях нашей авиации все же удалось изменить воздушную обстановку в свою пользу. С 17 апреля по 7 июня наша авиация произвела 35 тысяч боевых вылетов, уничтожила 1100 вражеских самолетов, причем 800 было сбито в воздухе.

Только летчиками 9-й гвардейской истребительно-авиационной дивизии, в составе которой сражались такие асы, как Покрышкин, братья Глинки, Фадеев, Труд, Крюков, Искрин, Клубов, и другие, сбито 187 самолетов противника.

Двадцати летчикам этой дивизии в боях за Кубань присвоено звание Героя Советского Союза, а Александру Покрышкину и Дмитрию Глинке — вторично.

Мне тоже довелось воевать бок о бок с этими прославленными летчиками. А с А. И. Покрышкиным, моим учителем и командиром, я сделал двести боевых вылетов. И в том, что на моем счету 22 сбитых фашистских самолета, тоже заслуга Покрышкина: пройдя его школу, мы, молодые летчики, просто не могли не сбивать в больших количествах фашистских «стервятников». Я расскажу не обо всех, а лишь о некоторых, самых показательных уроках Покрышкина.

...На Краснодар нацелилось несколько групп вражеских бомбардировщиков. Передовой командный пункт нашей дивизии «Тигр» передал:

— Всем, кто в воздухе, идти в район Краснодара!

Взволнованный голос услышал и Покрышкин. В это время, возглавляя «восьмерку», он летел на прикрытие наземных войск в районе Крымской.

— Прикройте город!— звучал в наушниках голос комдива. Покрышкин тут же включился в радиообмен.

— Вас понял!— сказал он и повел свою группу на юго-восток.

На подходе к Краснодару в разрывах облаков появились вражеские истребители. «Пришли на расчистку воздуха»,— догадался Александр Иванович. Он знал: вначале противник посылает в тот район, где должны действовать бомбардировщики, специальные группы асов, которые должны обеспечить бомбардировщикам условия для поражения целей.

Покрышкин нажал кнопку передатчика и для командира звена Н. Науменко коротко произнес:

— Не снижайся. Прикрой!

Он много говорить не любил. Да и при радиообмене надо обходиться минимумом слов. Кроме того, был уверен, что Науменко уловит его замысел с полуслова.

Ударная четверка нырнула в «окно» и, выйдя под нижнюю кромку облачности, внезапно атаковала один из «мессеров». Удар комэска был неожиданным, дерзким, и вражеский летчик не успел опомниться: его истребитель уже горел.

Остальные «мессеры» шарахнулись кто куда. Две пары переворотом пошли вниз, одна круто полезла вверх.

— Науменко, «худые» пошли к тебе!— передал Покрышкин. Не прошло и минуты, как из облаков вывалились два кома огня и дыма.

Покрышкин погнался было за остальными «мессерами», но главная задача восьмерки — Краснодар, и он скомандовал:

— Разворот — сто восемьдесят!

Истребители с набором высоты взяли курс на восток.

Сделали круг над городом. Видно, как истребители соседнего полка одиночками и парами носятся над Краснодаром.

Восьмерка снова разворачивается.

Высота — пять тысяч метров. Курс на Абинскую. Сосчитал комэск пары — все в сборе. И вдруг «мессеры»! Спешат, догоняют.

Резкий поворот — и с небольшим снижением Покрышкин идет в лобовую. Выбрал ведущего. Атаковал... Над головой пронеслись какие-то обломки.

Осмотрелся. Ни одного вражеского истребителя не видно: ушли в облака. Пересчитал своих: все целы. А навстречу уже мчится новый отряд «мессеров».

И вновь завязалась схватка! У противника — двойное превосходство. «Мессеры» набросились на восьмерку, закрутились на косой вертикали.

— Науменко! Не пускай «худых»!

— Вижу их, вижу! Нахожусь выше тебя.

Покрышкин видит, как впереди «мессер» за-

Герои битвы в небе Кубани: А. Покрышкин, А. Труд, В. Фадеев, К. Сухов.

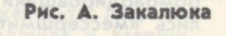

Константин СУХОВ,
Герой Советского Союза

БИТВА В

Атака майора Крюкова. Рис. А. Закалюка

ходит в хвост кому-то из наших, вот-вот даст очередь. Командирская машина резко идет в разворот и, открыв огонь буквально навскидку, отпугивает «мессера» яркой россыпью трасс. Атака сорвана!

Но тут же перед глазами комэска, обгоняя самолет, пронеслись, замелькали огненно-дымные пунктиры. Инстинктивно дал ручку влево. Самолет, крутнувшись, со снижением ушел под трассы. Мимо, продолжая вести огонь, проносится «мессер».

«Да, не зря отрабатывали «неуправляемую бочку» для выхода из-под огня!» — подумал комэск и тут же накрыл огнем «мессера». Снаряд попал в центр фюзеляжа — самолет разломился пополам. Рядом пронесся выброшенный из обломков вражеский летчик, за которым протянулись белые стропы еще не раскрывшегося парашюта.

В наушниках слышен голос ведомого, совсем еще молодого летчика, младшего лейтенанта Валентина Степанова.

— Атакую, атакую! Прикройте! — в азарте кричит он в эфир.

«Вот дурной: учу-учу, а он все равно вперед батьки в пекло лезет! — с досадой подумал Покрышкин, но тут же порадовался: — Горячий хлопец. Хороший будет боец! Хочет драться. Пусть испытает себя!»

— Атакуй! Прикрываю... Не спеши.

И все же Валентин поторопился — огненные струи трассы, словно обессилев, ниспадают пологой дугой, не дотянувшись до цели.

— Спокойно! Не спеши, подходи ближе!

Истребитель рванулся вперед, расстояние между самолетами стало сокращаться. Когда оставалось метров сто, от нашего самолета снова потянулись вперед огненно-дымные шарики и заиграли на обшивке «мессера». Он вздрогнул, несколько раз качнулся, опрокинулся — и тут же из него выплеснул огненно-оранжевый ком пламени.

— Порядок! — снова включился Покрышкин. — Теперь пристраивайся. Я — сзади справа.

Результат боя — шесть сбитых «стервятников»! Три из них — на счету комэска. Свои все целы.

Через несколько дней фашистская авиация вновь совершила массированные налеты на Краснодар. Наши летчики сражались отважно и яростно. Были успехи, и немалые. Но были и потери: не вернулся командир звена младший лейтенант Николай Науменко. Тяжелую схватку провела группа майора Павла Крюкова.

...Четверка истребителей получила задание прикрывать наши войска. Ведомым у командира этой группы был лейтенант Михаил Сутырин; вторая пара — старший лейтенант Николай Искрин и младший лейтенант Николай Старчиков.

Истребители набрали высоту, пересекли Кубань и подошли к станице Абинской. Внизу в дыму и пламени пожаров виднеется Крымская. Там сейчас враг. Впереди по курсу — дымы, там Новороссийск, там Мысхако, где тоже полыхают пожары.

Подал голос «Тигр».

— Крюков, в район Мысхако с юго-запада идут «бомберы».

Майор их уже видит: впереди шестерка «юнкерсов», над ней «мессеры». Старчиков успел их сосчитать и сообщил:

— «Худых» двенадцать.

Искрин прикидывает: «На одну нашу четверку — восемнадцать вражеских машин. Многовато».

И тут команда Крюкова:

— Атакуем «бомберов»! — и полупереворотом ринулся вниз. Его «пара» буквально ворвалась в строй бомбардировщиков. Ведущий сразу открыл огонь по ближайшему «юнкерсу» — и тот запылал. А трасса тем временем уже ложится на идущий вслед за ним бомбардировщик.

Строй вражеских машин ломается. Несколько «мессеров» набрасываются на выходящий из атаки наш истребитель. Одного из них ловко подловил Искрин.

— Хорош-хорош! — кричит в эфир Старчиков. — Горит! — Но секунду спустя торопится предупредить: — Справа снизу «худой»! — И

НЕБЕ КУБАНИ

машина Искрина стремительно ныряет вправо, под трассу «мессершмитта». А земля сообщает: «Юнкерсы» сбросили бомбы в море. Уходят».

Вскоре после мощной артиллерийской и авиационной подготовки гитлеровцы перешли в наступление с целью сбросить наших десантников с Мысхако в море. В этот день наши посты зарегистрировали полторы тысячи самолетопролетов противника! Бомбардировщики шли группами по тридцать — сорок самолетов под сильным прикрытием истребителей. Колонны состояли из ста и более боевых машин.

Нетрудно представить напряженность воздушных боев, перераставших в воздушные сражения, длившиеся по нескольку часов подряд.

— Тем, кто видел эти воздушные сражения, кто в них участвовал, они запомнятся на всю жизнь!

Так сказал однажды мой ведомый младший лейтенант Федор Кутищев, пришедший в наш полк осенью 1944 года. А тогда, в 1943 году, он был на Мысхако, сражался в составе отважного десанта и, оставаясь душой и сердцем летчиком, из узкого каменистого окопа с восхищением наблюдал за действиями своих крылатых братьев. Он, верил, что победит, верил, что вернется в небо, что продолжит борьбу с врагом там, за облаками.

В полдень уже в третий раз с аэродрома стартовала восьмерка истребителей, так называемая ударная группа. Повел ее в район Мысхако комэск-три гвардии старший лейтенант Вадим Фадеев. Группу прикрытия из четырех самолетов возглавил старший лейтенант Григорий Речкалов.

Чтобы выйти в район прикрытия, надо было пролететь над отрогами Главного Кавказского хребта, затем развернуться над морем. Горная гряда позади. Ведомый Фадеева, лейтенант Андрей Труд, увидел впереди голубеющий простор. Море! В другое время он бы не удержался от того, чтобы выразить свой восторг, но сейчас некогда любоваться красотами природы. Где-то рядом враг — это Андрей чувствовал интуитивно.

Оглянулся — и точно: на траверзе Анапы, со стороны солнца несколькими волнами курсом на Новороссийск тяжело плыли пикирующие бомбардировщики «Ю-87», а над ними носились «мессершмитты» — истребители прикрытия.

Андрей бросил взгляд вверх — там шла четверка Николая Искрина. Слева, с анапского аэродрома, вздымая за собой ленты желтоватой пыли, взлетали вражеские истребители.

«Спешат сюда. Быть бою над морем! А вода в апреле холодноватая!» — подумал Андрей.

Он всегда шутил: такой уж у него характер. Вот и сейчас, пошутив «в уме», он приготовился к бою.

Ведущий, старший лейтенант Фадеев, передал:

— Речкалов, атакуй «худых»!

А сам ринулся в атаку на бомбардировщиков.

Веселый и жизнерадостный, он в бою преображался. Фадеев дрался отчаянно, забывая о грозящей ему опасности. Он увлекался боем, искал противника. А найдя его, по сторонам, а тем более назад уже не оглядывался. Он надеялся на щит, прикрывавший его, на своего напарника Андрея Труда, на летчиков группы.

И вовсе не удивительно, что за сравнительно короткий срок — всего за три недели — Фадеев успел сбить около двух десятков вражеских самолетов.

...Бой длился уже двадцать минут. Бой трудный и жаркий! Вадим Фадеев сжег три вражеских самолета. Иван Савин — два. По одному сбили Владимир Бережной и Григорий Речкалов. Удача сопутствовала и Михаилу Сутырину. Он улыбался и радовался. Еще бы! Сошелся с хваленым «фоккером» — и вогнал его в море. Значит, и вражескую новинку можно превращать в металлолом!

Таких боев у наших летчиков было много: впереди еще два года войны. Но именно здесь, в небе Кубани, наша авиация завоевала господство в воздухе и больше его не уступала до самого последнего вылета над поверженным Берлином.

Римма ЛИХАЧ

Вперед

Рисунок Л. ЛУРЬЕ

Назавтра полк уходил в лагеря. А сегодня танцы.

Какой это был вечер! Какое танго! Какой вальс!

Мила, как всегда, была дамой трех кавалеров. Сережке почти и не доставалось танцевать с женой. Ленька и Николай по очереди приглашали ее. Но когда оркестр грянул последний танец — разудалый краковяк, они все вместе обнялись и пустились в пляс. Казалось, клуб рухнет от топота сапог.

Потом крутили кино, но они не остались, сели в электричку и поехали в Москву. А из метро вышли в «Охотном ряду» и пошли гулять по улице Горького и, конечно же, купили эскимо.

Были теплые майские сумерки. По тротуару в вечерней, сиреневой полумгле двигалась пестрая, нарядная толпа гуляющих. Встречные девчонки с завистью поглядывали на трех веселых лейтенантов. Мила задорно косила взглядом в их сторону. Все было чудесно, впереди лето, отпуск, а сегодня они шли к ним домой.

Все это теперь было далеко. Сейчас муж на фронте, и она не знала, где именно.

И вот вчера рано утром в коридоре раздался телефонный звонок. Как до войны.

Мила бежала к телефону и молила: «Пусть это будет он, он!»

— Слушаю! — закричала она странно тонким голосом.

— Милушка! Это я! Слушай внимательно, я в командировке, отсюда можно звонить! Мы тут неподалеку на отдыхе.

— Ты не ранен? Ты не в госпитале? Где ты? Он назвал город.

— Я сегодня к тебе выезжаю!

— Лушенька, милая, нельзя, не надо! Неизвестно, сколько пробудем тут.

Жильцы высыпали в коридор и заговорили разом:

— Куда, куда ты собралась?! Сумасшедшая!

— Мамочка! — сказала Мила.— Пойми, его можно увидеть! Ведь война!

На следующий день утром поезд остановился у безлюдного перрона. Вправо расстилалось серое в раннем тумане поле. Слева, за мостом, начинался город. Она вышла на привокзальную площадь. Окраинные улицы просыпались, орали петухи, гоготали гуси. У колонок набирали воду заспанные женщины. В палисадниках еще цвели мальвы. Все напоминало мирное время, казавшееся теперь беззаботным и прекрасным. Сердце сжалось от ощущения, что это закончилось.

Она села в трамвай и доехала до комендатуры.

В приемной коменданта толпились военные. У двери за столом сидел пожилой лейтенант. Она направилась к нему. В комнате притихли, с любопытством ждали, что она скажет.

— Мне обязательно нужно к коменданту! Я из Москвы, ищу мужа. Он где-то здесь.

— Откуда вы знаете, что он здесь? — недоуменно спросил дежурный.

— Он звонил! И я приехала.

Мужчины обступили ее. Она стояла в своем сереньком пальтишке «букле», в лаковых туфельках, с чемоданчиком, всем своим обликом так не вязавшаяся с этой комнатой, с этими уставшими, озабоченными мужчинами.

Адъютант пошел доложить. Через некоторое время он позвал ее.

За столом напротив двери сидел майор. Мила снова все рассказала сначала. Комендант слушал, подперев голову ладонью. Землистое лицо его ничего, кроме усталости, не выражало. И она, отчаявшись, протянула письмо Сергея. Комендант взял письмо, она встретилась с ним взглядом и обрадовалась. Глаза с белесыми ресницами смотрели участливо. Он прочел адрес на конверте, снял трубку одного из телефонных аппаратов.

— Кораблев, к тебе придет девушка, москвичка. Отправь ее на попутной до артполка. Зовут ее Людмила,— он взглянул на конверт,— Ветрова.

— Ну вот, как добраться, вам расскажут, устроят на машину.

— Спасибо вам, спасибо!

Все получилось так просто, что ей даже стало страшновато.

— Идите, идите,— вздохнул комендант. Адъютант и все, кто ждал за дверью, стали объяснять, как добраться до артполка. Она кивала и повторяла: «Спасибо! Спасибо!»

День был теплый, в кабину полуторки вливались запахи земли, жухлых листьев. И опять все было так, словно нет никакой войны. Полуторка неслась меж полей, сменявшихся лесочками. Изредка навстречу шли грязные машины, груженные тюками, узлами и сидевшими тесно людьми.

— Беженцы! — обронил шофер.

— Как беженцы? Откуда?

— Дак впереди-то немец!

Ехали уже долго. Мила стала беспокоиться. Комендант сказал, что артполк в двадцати километрах, а они их давно миновали. Впереди опять показался лесок. Шофер остановил машину.

— Видать, проскочили. Тороплюсь я. Если не найдешь, еще к кому-нибудь подсядешь.

Мила перепрыгнула через канаву и пошла вдоль леса. Осенний день кончался. Надо было возвращаться в город и завтра снова начать поиски. Две военные машины не остановились. Наконец, показался открытый «пикап». Он затормозил. На узлах сидели ребятишки, женщина в огромном клетчатом платке и мужчина в кепке. Беженцы. Мила коротко рассказала, в чем дело. Они подвинулись и молча посадили рядом. И Мила поехала в обратный путь. Через несколько километров, почти миновав темнеющий в сумерках ельник, заметили мелькнувшие фигуры. Мужчина застучал по кабине. Она соскочила и побежала назад. На пеньке сидел солдат. В который раз повторила Мила свою историю. Солдат улыбнулся.

— Я видел вас на вокзале, когда грузились. Пойдемте, отведу в землянку. Он сейчас в штабе фронта, скоро будет.

Солдат повел ее к землянке. И вдруг знакомый голос: «Милка, Милка!» К ней подлетел Николай. Улыбка от уха до уха сияла на его прокопченном лице.

— Ах ты, молодчина! Ах, молодчина! Ну, Сережке будет сюрприз!

— Да что ж ты такой чумазый?! — смеялась Мила.

— Не отмылся еще, не отмылся! — хохотал Николай.— Они с Ленькой в штабе. Идем, я тебе покажу, как мы тут окопались! — Он был так рад, словно это к нему приехала жена.

Все кругом что-то говорят, удивленно смотрят, спрашивают, она отвечает, рассказывает. Так, почти ничего не видя вокруг, она очутилась в довольно просторной землянке. Ее посадили в передний угол, затопили вырытую в нише печку. Народу набилось столько, что некоторые сидели на ступеньках. В полку было много москвичей, все хотели знать, как Москва.

— Ведь они, гады, каждую ночь над нами пролетали ее бомбить!

— Кремль цел? А Арбат? Говорят, на площади Свердлова стоит сбитый «юнкерс»?

— Да что же это вы ее совсем замучили! Дайте поесть человеку с дороги!— раздался прокуренный бас. В землянку протиснулся невысокий человек с облезлым зеленым котелком.

— Поешь, дочка!

Мила ничего не ела с самого утра. Каша была пшенная, непривычного вкуса. С дымком. В землянке стало тихо. Огрубевшие, навидавшиеся всего мужчины смотрели, как ест, аккуратно подставив ладошку, тоненькая девушка в клетчатом платьице. И тут за дверью Мила услышала такой родной голос: «Приехала!» Она замерла. В дверях расступились, и в проеме, ссутулясь, появился Сергей. На мгновение он остановился, отсвет огня из печки упал на лицо мужа. Мила не помнила, как бросилась к нему. Сергей отстранился, внимательно посмотрел и знакомым жестом провел по ее бровям. Мила уткнулась лицом в грудь мужа, от него пахло махоркой и плохим одеколоном, и сказала то, что говорила всегда:

— Сереженька! Я так люблю тебя!

— Ох ты, моя золотая!— пробасил повар. В землянке засмеялись, неловкость сразу прошла. Сергей сбивчиво рассказывал, как он спешил и все не попадались попутки, а она толком даже не понимала, о чем он говорит, сидела, прижавшись к его плечу, гладила его шершавую руку. Ребята смотрели на них, не стесняясь своего любопытства. Да и любопытство ли это было?

РАССКАЗ

И БЫЛО ЛЕТО...

— Можно войти?

— Ленечка! Дорогой! Здравствуй!— вскочила Мила и протянула руки. Ленька накрыл их своими лапищами и, улыбаясь, как всегда, застенчиво и мягко заокал:

— Я же говорил — прорвется! Чтоб она да к своему Сереженьке не прорвалась, быть того не может!— Он сел, снял фуражку, и Мила погладила его короткий, колючий ежик волос.

— Сварим грог по такому случаю!— закричал Николай.

— Какой грог? Из чего?

— Ха, ха!— громыхнул Колька и сверкнул зубами.

Из противогазной сумки появились бутылки водки, притащили аккумулятор с лампочкой, алюминиевые кружки, закоптелый чайник сунули в печку, из снарядных ящиков соорудили стол. Мила пыталась включиться в суматоху, но ей не дали. Сергей резал хлеб. Они не разговаривали, только иногда, встречаясь глазами, счастливо улыбались.

Водку разлили по кружкам и разбавили кипятком.

— Вот вам и грог!— сказал Николай и поднял кружку.— За тебя, Милка, за твой приезд!

И тут ребят прорвало. Наперебой рассказывали ей про Сережку, про бои, вспоминали погибших, рассказывали ей, москвичке, приехавшей из их прошлой, мирной жизни и не видевшей того, что довелось пережить и увидеть им. Ее приезд всколыхнул все, что пережили они за страшное время боев и отступления первых месяцев войны. Им необходимо было вспомнить все вслух, всем вместе. Старший лейтенант, которого все называли Петюньчик, сказал:

— Из всего полка нас осталось только двести. И три орудия. Но мы не драпали! Только в одном первом бою уничтожили пятьдесят танков!

На мгновение стало тихо. И вдруг Николай заорал:

— Милка! Я же чуть твоего мужа не угробил! Они на кладбище расположились, а мне доносят: немцы пушки у церкви ставят! Ну, я и жахнул батареей!

— Представляешь,— засмеялся Сергей,— чувствую, наши по мне садят, понимаю, что надо сматываться. И вдруг вижу: из-под разрывов на меня несется черная ошалевшая корова!

— И знаешь, что он сказал?— спросил Леня, а все вокруг заранее рассмеялись.— Самое страшное на войне — чтоб тебя корова не забодала!

Ребята вспоминали, как Колька ночью заблудился в лесу, а когда впереди на дороге увидел танк, пошел следом, танк двигался небыстро, с включенными фарами. На развилке танк повернул, и только тут Николай разглядел крест на боку. Немецкий танк блуждал в лесу, как и он, ведь четкой линии фронта не было.

— И наш командир дивизиона капитан Савков погиб,— сказал Сергей.— И как погиб! Когда не осталось пушек, он залег рядом с командиром полка, а когда того тяжело ранило, Савков бросился в группу автоматчиков и рванул гранату.

Выговорившись, ребята притихли и стали потихоньку уходить из землянки. Наконец, Мила и Сергей остались одни. Лампочка почти не горела, только угли из печки освещали землянку. Они сидели молча, прижавшись друг к дружке, и смотрели на огонь. Угли медленно гасли, покрывались сероватым налетом. В землянке стало совсем темно...

Утро было пронзительно ясным. Они пошли с Сергеем в ближнюю деревню, остановились у приветливой, с веселыми наличниками избы.

— Тут и поживем,— сказал Сергей.

Хозяйка обрадовалась таким постояльцам.

— Какие вы оба ладные да красивые,— приговаривала она, ставя самовар во дворе.

— Можно купить у вас мяса и приготовить обед? Мы ребят хотим в гости позвать,— спросил Сергей.

— А то! Вам полбарана хватит?

Никогда в жизни Мила не покупала полбарана. От такого предложения она несколько оробела.

— Да что же мы делать будем с половиной барана?

Но муж сказал:

— Давайте, хозяйка. Только помогите жене приготовить, ей не справиться. У нас в Москве по стольку не покупают.

— Ух, ты! Из самой Москвы!— удивилась хозяйка.— Идите гуляйте, я все сделаю.

И снова они бродили по деревне, садились на лавочки у домов. Шли дальше. Покой заполнял все пространство, от земли до осенне-прозрачного неба. А солнце словно радовалось, глядя на тихие, не искалеченные войной места, грело мягко и нежно. Страх и напряжение, с которыми Мила жила эти три месяца, отпустили, и она почувствовала умиротворение. За деревней на большом лугу они уселись, привалившись к стогу сена.

— Как странно,— сказал Сергей,— ты здесь, никто не стреляет, будто и нет войны. Я как в отпуске побывал, вот только по Москве соскучился. Какая она сейчас?

— Днем такая же, а вечером темная... Представляешь, окна не светятся, фонари не горят. Тоскливо... Господи! Наверное, это нехорошо, но я так счастлива! Никуда от тебя не уеду!

— Нас теперь пошлют на переформирование. Драться-то нечем, от полка три пушки осталось,— вздохнул Сергей.

— Как ты думаешь, война надолго?

— Надолго, ох как надолго. Силен он, сволочь. Пока их перемелешь!

Они вернулись в дом, в горнице было тепло, из окошек падал солнечный свет на пестрые половички. В середине солнечного квадрата сидел кот и степенно умывался. У печки хозяйка орудовала ухватами. Они остановились в дверях. «Вот так остаться здесь, и век жить, и ничего не надо»,— подумала Мила. Сергей, словно прочитав эти мысли, прижал ее к себе.

Пришли ребята. В избе стало шумно, весело. Наконец уселись за стол.

— Ха, ха!— Колька сверкнул улыбкой и внес из сеней давешнюю сумку от противогаза. Достал и поставил на стол бутылки.

— Что они у тебя там, выводятся?— рассмеялась Мила.

— Скажи тост, а то все мы да мы,— попросил Николай.

Мила задумалась на минуту, подняла стопку:

— За конец войны! За вас, ребята! За то, чтобы все вы вернулись, пришли к нам с Сережкой. И мы пойдем гулять по улице Горького, есть мороженое...

Мила смотрела на ребят и удивлялась. Как изменились они за три месяца! Уезжали на фронт молоденькие мальчишки, хрустели новенькими ремнями, а сейчас за столом сидели мужички в выбелившихся гимнастерках, с закрученными клапанами карманов. От них исходила уверенность, сила и еще что-то, что она не смогла определить словом. Это уже были люди, видевшие смерть.

Хозяйка принесла самовар. За окном стемнело, зажгли стеклянную пузатую керосиновую лампу. Самовар урчал, чай пили вприкуску, из блюдечек. И казалось, так будет всегда, казалось, ничто не может помешать им. Но неожиданно все почувствовали, что покоя уже нет, что-то изменилось.

За окном кто-то быстро бежал от калитки. В избе стало тихо. Тревога охватила ребят раньше, чем открылась дверь. Посыльный тяжело дышал.

— За вами послали, срочно в полк... Где-то танки прорвались... Занимаем оборону...

И все. События, которые происходили с Милой как бы замедленно, сорвались, словно захватили и понесли ее в тяжком потоке.

Полк рыл окопы.

— Здесь будет передовая,— сказал Сергей.— Тебя я отправлю в тыл. Тебе тут делать нечего!

— Но я же умею перевязывать, я кончила курсы!

Но Сергей чуть ли не силой усадил ее в машину, и она приехала в какой-то лес, тыл полка. Мила решительно подошла к старшине.

— Меня направили получить обмундирование, не могу же я в платье быть там.

Старшина посмотрел озадаченно, но, видимо, поверил, повел ее в палатку, выбрал самые маленькие сапоги, но и они оказались непомерно велики. Дал гимнастерку, брюки, ремень, пилотку.

— Все,— сказал как-то печально.— Сейчас последняя машина идет туда. Поезжай.

Шоссе было пустынно. Уже совсем ночью они остановились, и она услышала голос Сергея.

— Кто в кузове?— спросил строго, незнакомо. И увидел Милу.— Ты зачем вернулась? Кто позволил?

— Ну, не ругайся,— просила она виновато.— Видишь, я в форме, умею перевязывать... Лишней не буду!

— Пойми, я должен знать, что ты в безопасности!

Подошел комиссар полка.

— Отправлять ее назад нечем,— сказал он.— Отведи ее на ночь к связистам и сам оставайся. В случае чего предупредим.

В избе было много народа. Спали, сидя на лавках, положив головы на длинный стол. Было душно, пахло махоркой. В углу на соломе они разглядели спящую девушку.

— Ложись с ней рядом, сапоги не снимай!

Сергей подождал, пока она улеглась, а сам пристроился к столу и тут же заснул. Миле очень хотелось снять сапоги, но соседка тоже спала обутая. И она, в чем была, рухнула. Разбудило ее хлопанье дверей. За окном серел рассвет. За столом еще спали, только девушка проснулась.

Не обращая на них внимания, хозяева охапками выносили из избы тулупы, валенки, какие-то узлы.

— Куда это они?— удивилась Мила.

— В погреб. Если тут бой будет, запросто избу сожгут или разобьют. Пойдем умоемся.

— Как тебя зовут?— спросила Мила.

— Шура,— сонно ответила она. На петлицах у нее было два кубика и чаша со змеей.

— Ты фельдшер? Я тоже могу перевязывать, поэтому и осталась.

— Ну, осталась ты совсем не поэтому,— усмехнулась Шура.— Будешь теперь в моем распоряжении.

На дворе было хмуро и знобко. Они привели себя в порядок, умылись холодной водой прямо из колодца.

— Чаю бы,— размечталась Мила.

— Чаю не будет. Придем в расположение — каши дадут.

Из избы вышел Сергей. Только теперь он разглядел непривычную в солдатском обмундировании, похожую на подростка жену. Мила с опаской ждала, что он скажет. Его умные глаза смотрели грустно и нежно.

— Ах ты, несмышленыш мой, солдатик маленький!

И холодное утро, и сон на соломе, и голод — все ерунда! Он тут, рядом, она слышит его, видит и идет рядом. Так и вошли они, держась за руки, в этот начинавшийся осенний день.

В конце перепаханного поля вдоль опушки леса и по обочине шоссе стояли три противотанковые пушки. Чуть дальше прятались в лесочке уцелевшие полуторки. Около одной толпились солдаты. Начпрод, стоя в кузове, вынимал из мешка куски рафинада и щедро раздавал.

— Букин, что это ты сегодня такой добрый?— удивился Сергей.

— Да вот приказано машину освободить для разведки.— Он нагнулся и протянул два огромных куска сахара.— Берите, берите! Когда еще кашу сварят, погрызете.

Подошла Шура, протянула сумку.

— Вот возьми, твоя будет. Пойдем, покажу место.

Сергей внимательно посмотрел Миле в глаза, крепко поцеловал.

— Будь умницей,— повернулся и быстро пошел туда, на передовую.

Шура привела ее в окопчик неподалеку от пушки.

— Зря не рискуй, осмотрись. Сначала страшновато будет. А мне туда.— Она махнула рукой.

Мила огляделась. Все казалось очень спокойным, совсем непохожим на ожидание боя. Пригревало солнце, никто никуда не торопился, солдаты сидели на краю окопов и грызли сахар. Вскоре к ней присоединились солдат и летчик-лейтенант.

— Так это вы москвичка?— разглядывая ее, спросил солдат.— Не робейте! Не так страшен черт, как его малюют! Я вот третий бой пехотой буду воевать, пушек-то нет, и ничего, жив пока! Вот и летчик стал пехотинцем. Как ангел к нам с неба спустился, только на парашюте.

— Я в Москве ни разу не был, не довелось,— грустно сказал летчик.

Мила увидела Сергея. Она вскочила, побежала навстречу.

— Мила, вот тебе граната, только одна. Смотри, как надо заряжать. Это запал. Вставлять надо так.— Он оттянул ручку гранаты, чуть повернул круглую головку, вставил запал.— Тряхнешь и сразу бросай.

Сергей разрядил гранату и велел ей все повторить.

— Запал держи тут.— И он сунул его в карманчик ее гимнастерки. Сергей погладил ее по щеке.— Внимательно следи за обстановкой. Если услышишь крик «автоматчики с тыла» — не паникуй, Николай за тобой в случае чего присмотрит.

Вдоль шоссе Мила пошла к своему окопу. Рядом с ней затормозила полуторка. Из кабины высунулся Леонид.

— Ленечка, ты куда?

— В разведку я, Милушка, пока!— Ленька как-то по-детски вытер грязным платком слезящиеся на ветру глаза.

Ей резануло сердце. Обернувшись, она что было сил закричала:

— Сережа! Леня один в разведку!

Сергей быстро подошел к группе командиров. Мила увидела, как он вскинул к козырьку руку, затем побежал назад, к машине, и прыгнул в кузов. Машина быстро удалялась, одна на пустынном, сколько видел глаз, шоссе.

Лейтенант и солдат встретили Милу молча, и она сидела тихо, задумавшись. Сколько они так просидели, Мила не знала, потом вдруг почувствовала: что-то изменилось. Она подняла голову. Лейтенант и солдат напряженно смотрели вперед.

— Что там?— спросила она.

— Танки,— тихо ответил солдат.— Один, два, три, четыре...

— Где? Где?— Она видела только контуры леса.

— Семь, восемь,— повышая голос, продолжал летчик. И вдруг там, куда они смотрели, сверкнул огонь.

— Вижу! Вижу!— закричала Мила.

— Чего радуешься?— обозлился солдат.

Третьим же снарядом танки накрыли пушку. Заряжающий схватился за руку. Мила побежала туда. Осколок торчал чуть выше локтя. И хотя никогда ей делать этого не приходилось, она точным коротким рывком выдернула его. Парень охнул и совсем спокойно сказал: «Не бросай, дай мне». Она сунула ему кусочек металла и быстро забинтовала руку.

Теперь снаряды рвались часто. Мила оглянулась и увидела в воздухе множество маленьких серых облачков. Таких легких, даже не верилось, что именно они сеют смерть. Потом рвануло совсем близко, на них полетели комья земли.

— В окоп!— крикнул ей старший лейтенант, командовавший огнем.

Слева донеслось: «Санитара!» И она, пригибаясь, побежала туда. Раненый сидел, привалившись к стенке окопчика. Миле показалось, что он мертв. Но его сосед приказал: «Перевязывай! Живой он». Рана была у лопатки. Она долго стаскивала гимнастерку, бинтовала, а кровь все сочилась.

— Точно бьет, гад!— ругался солдат.

Мила выглянула и увидела, что танки приблизились, но не двигаются.

— А почему они встали?

— А на хрена им себя подставлять! Автоматчиков у них почему-то нет. А то бы нам крышка! Наверное, проселком идут. Вперед нас войдут в город, и мы в окружении.

Улучив момент, Мила перебралась в свой окопчик.

— Боятся, гады, подходить,— цедил летчик. И тут один танк рванулся вперед и стал быстро приближаться. Он шел прямо на их пушку, но вдруг странно дернулся и завертелся, от башни повалил черный дым.

— Горит!— закричали вокруг.

— Старшой убит!

Мила и летчик мгновенно оказались у пушки. Старший лейтенант лежал на спине со снесенным черепом. Исковерканная пушка валялась на боку. Сержант, по щеке которого текла кровь, показал на привалившегося к нему солдата. Лицо у него было белое, рука безвольно висела.

— Сейчас, дорогой, сейчас,— приговаривала Мила, пытаясь обмотать перебитую руку. Она не заметила, как стало почти тихо. Только когда подбежавшая Шура ловко перехватила бинт, перевела дух.

— Сейчас отходить будем, немцы прорвались к городу! Помоги летчику старшого оттащить к шоссе!— приказала Шура.

— Сережи еще нет, как же отходить?

— Иди!— закричала Шура.

Они положили убитого у края шоссе. Уцелевшие пушки цепляли к машинам. В этот момент, завывая, из-за подъема показалась полуторка. Машина странно виляла из стороны в сторону. Смолкли и насторожились солдаты. Не доехав, машина остановилась. Переднее стекло было разбито. Из кабины выскочил Ленька. Все напряглось в ней.

— Сережа, где Сережа? Ленечка,— с отчаянной надеждой выдохнула Мила,— где Сережа?

— Сережа в кузове,— глядя мимо, ответил Ленька. И по тому, как он сказал «Сережа», а не обычное «Сережка», она поняла: случилось что-то ужасное.

Задний борт был откинут. Сергей лежал на спине, голова поникла набок. Мила закрыла лицо руками, шарахнулась от машины, ей казалось, что достаточно убежать с этого страшного места, и кошмар сгинет, исчезнет, пропадет! Но ноги у нее подкосились, и она упала. Она лежала ничком, словно расплющенная, хотелось выть. Но она только тянула: «А-а-а...»

— Я доложить!— Ленька загрохотал сапогами по асфальту.

Подбежал Николай.

— Милочка! Милка! Вставай, сейчас тут будут немцы. Танки идут по шоссе!

Она приподнялась на колени и запавшими глазами посмотрела на него.

— Это я его послала, это я! Как они вырвались у меня, эти проклятые слова!

— Замолчи! Замолчи! А ты что, могла бы иначе? Могла бы?!— Николай тряс ее за плечи.— Если бы не ты, я позвал бы Сергея. Ты просто меня опередила, и он все равно бы Леньку одного не отпустил! По-другому-то быть не могло! Не казнись, не казнись... Вставай, пойдем к нему!— Николай погладил ее посеревшие щеки.

— К нему!— эти слова прозвучали для нее так, словно он жив. Отчаянная надежда подняла ее, и она бросилась к полуторке.— Да, увезти, увезти! — бормотала она.

В машине уже сидели раненые, лежал убитый комбат. Она опустилась на колени и стала быстро ощупывать Сергея, надеясь найти рану. И тут Мила увидела маленькую дырочку в виске. Она невольно зажала ее пальцем.

В том, что он лежал мертвый, была такая несправедливость, такая жестокость! Ей казалось, что так быть не может. Как заклинание, она твердила: «Я люблю тебя, я люблю тебя!» Всегда, как бы он ни был обижен, стоило ей сказать эти три слова, в глазах его вспыхивала радость.

Машина тронулась. Голова Сергея дрогнула, ей показалось, что он зашевелился.

— Сереженька! Ну, посмотри на меня!— взмолилась она и сама открыла ему глаза. В них был только цвет — золотисто-коричневый. Глаза были пусты, мертвы. Мила неловким движением закрыла мужу веки, обняла его голову, и все окружающее померкло.

Колонна мчалась по шоссе в город. А параллельно, по проселочной дороге, скрывавшейся за лесом, двигались немецкие танки. Они вошли в город почти одновременно. Рев танков слышался на соседней улице.

Город был застигнут врасплох. Бежали люди. Из распахнутых дверей кинотеатра с яркой афишей «Антон Иванович сердится» выходила толпа, не подозревая, как все изменилось за эти полтора часа. На рельсах стояли брошенные трамваи, на небольшой привокзальной площади из-за узкого проезда под железнодорожным мостом образовалась пробка, взорванный вокзал дымился.

Появились два «мессера». «Воздух!»— пронеслось по площади. Мила не видела, не слышала, как из машины выпрыгивали солдаты, только когда над ней пронеслась тень и пули застучали по кабине, она склонилась над Сергеем. Взглянув вверх, она увидела второй «мессер», он несся еще ниже. Она прижалась лицом к холодной щеке мужа и закрыла глаза.

Почти одновременно с разных концов колонны к машине подбежали Ленька и Николай. Мила лежала, прикрыв собой Сергея. Гимнастерка на ее спине была бурая, с дырами, словно по линейке.

Николай осторожно приподнял ее, перевернул.

— Милка, Милка,— сдавленно проговорил он и неожиданно, как делал Сергей, провел ладонью по ее бровям. Она открыла глаза.

— Сереженька...— прошептала она.

— Все,— сказал Николай.— Все! — И закричал на Леньку: — Не стой столбом! Летит!

Ленька упал рядом, мотор взревел, в кузов попрыгали солдаты. Пробка рассосалась. Выскочив из-под моста, они понеслись по шоссе. Остановились километров через сорок. Опять была возвышенность, опушка — удобная позиция.

Могилу вырыли на краю поля. Расстелили плащ-палатку. Первым опустили старшего лейтенанта, потом Сергея, рядом положили Милу. Николаю и Леньке, уже насмотревшимся на убитых, видеть их двоих в могиле было невозможно, они, не стесняясь, плакали. Они похоронили последнее, что связывало их с прежней жизнью.

К ручке от лопаты прибили дощечку, написали на ней имена. Дали залп. Короткий осенний день кончался.

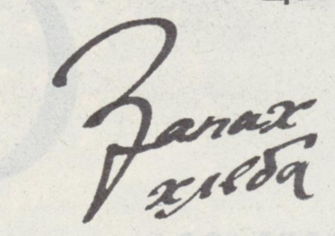
— Окопаться дотемна!— раздалась команда.

Николай и Леонид остались у могилы вдвоем. Колька плакал и страшно ругался.

В декабре того же сорок первого под Москвой был убит Леонид. Николай дошел до Восточной Пруссии и там сложил голову. Так и не увидели они больше улицу Горького, не прошлись по ней в майских сумерках, не купили мороженое.

А память, растревоженная весенними сумерками, заставляет внимательней всматриваться во встречных прохожих: не мелькнут ли знакомые лица...

Александр **ЩЕРБАКОВ**

Хлеб пахнет дыней,
Тонко, медово,
И пахнет дымом,
И пахнет домом,
Ветром залетным,
Далью широкой,
Отчей землею,
Отчим порогом.
Грустью ковыльной
О лете красном.
Проселком пыльным,
Ездою тряской.
Зарею поздней,
Крутой работой,
Шибает в ноздри
Соленым потом.
Хлеб пахнет полем,
И высью синей,
И вольной волей —
Самой Россией.

ИВАН-ЧАЙ

Когда погибнет лес в пожаре,
Встает он первым, примечай,
Среди обуглившихся гарей —
Пурпурно-сизый иван-чай.
Как бы дружиной после сечи,
Чтоб новый натиск отразить,
Встает и пики к небу мечет,
Врагу незримому грозит.
Встает из пепла у обочин,
Вокруг полей и черных пней.
На каждом стебле — рой цветочный,
Букет мерцающих огней.
Встает, упругий и высокий,
За кругом круг, за рядом ряд.
И, как знамена, вдоль проселков
Куртины алые горят...

БЕЖИТ РЕКА

Бежит, бежит таежная река.
Шуршат на белых косах голыши.
Летят, летят по небу облака,
Вдали касаясь каменных вершин.
Жужжит, жужжит назойливый мотор.
И мимо кедрачей и мимо кос
Лодчонка наша мчит во весь опор,
Держа по стрежню чуткий, влажный нос.
Вот эти горы и вот этот мыс,
Что огибаем мы на вираже,
Сто раз я видел. И приходит мысль:
Все в жизни повторяется уже.
Все было...
Ни открытий и ни тайн...
Но убегает речка, вдаль маня,
И я плыву в надежде, что вон там,
За перекатом, новость ждет меня.

СЛЕПОЙ ДОЖДЬ

Дождь хлестал, в лучах переливаясь,
Частокольно прям и полосат,
Только что... И вот уж, улыбаясь,
Смотрит солнце на умытый сад.
Книги бросив, на крыльцо я вышел.
Мокро пахнет лук и сельдерей.
День так чист, что видно, как на крыше,
Хлопает глазами воробей.

Красноярск.

Служение счастью

Н. ТОЛЧЕНОВА,
заслуженный деятель искусств РСФСР

Всем известно: легкого счастья не бывает. А в основе счастья — в его изначальной сути — обязательно заложен труд. Заложена верность избранному делу... Только тогда само дело человека приобщает к его собственной радости еще и тех, кто находится рядом. Возникает чудо: особая «атмосфера счастья»...

Определение это предложили журналисты из ирландской газеты «Корк экзаминер». Именно так находчиво, а главное, справедливо оценили они выступления Воронежского ансамбля «с его танцами, с его песнями, с его утонченной и неуловимой, словно дух, музыкой».

Богатая талантами, вся русская земля, быть может, именно воронежскому коллективу передала вполне вот эту особую, неуловимую и покоряющую тайну народного духа. Передала хотя бы уже потому, наверное, что необычным, почти легендарным и, скажем прямо, героическим было самое возникновение ансамбля, организация его в первые январские дни тяжкого 1943 года в прифронтовом селе по имени Анна.

В эту заснеженную, а для многих даже и вовсе не знакомую Анну собирались на первую спевку по приглашению Константина Ираклиевича Массалитинова люди, друг друга не всегда близко знавшие или совсем не знавшие. Люди, которых война либо еще не тронула по молодости их лет, либо уже освободила от себя, оставив на душе и теле свои злые рубцы...

Они несли с собой по дорогам и тропам к Анне главное: любовь и веру. К песне и музыке, к творчеству несли любовь; к сражающейся стране своей — сердце, полное веры в непременный победный исход нескончаемой, казалось, битвы.

Так ведь для того они и собраны были в дни войны К. И. Массалитиновым, замечательным человеком, и его соратниками, самые первые те певцы, танцоры и музыканты будущего Воронежского ансамбля! Собраны, чтобы и неподдельное, от сердца идущее искусство помогало воинам. Чтобы оно радовало, а значит, помогало исцелению раненых бойцов в госпиталях; чтобы вдохновляло, усиливало борцовскую волю воинов в действующих боевых частях; и те и другие были близкими соседями почти всех участников нового ансамбля. И неравнодушие, сердечность, неподдельные краски искусства, которые и сегодня присущи знаменитому на весь мир Воронежскому государственному русскому народному хору,— они как раз оттуда идут, оттуда продолжаются, несмотря на сорокалетнюю уже давность событий отгремевшей войны. А поддерживает их, разумеется, труд.

Непрестанный труд, удивляющий полнотой самоотдачи, который и нынче рождает в зрительных залах, в сегодняшней аудитории вот эту атмосферу взаимности. Атмосферу с ч а с т ь я. Хотя самая-то песня иной раз бывает полна и безысходной грусти, тоски, например, при невозвратном расставании с близким, милым сердцу человеком.

Он уехал за Воронеж,
Он уехал — не воротишь...
Он уехал, слезы льются!
Ах, как больно расстаются...

Передать в словах красоту и широту простого, кажется, напева, исполняемого в этом «расставанье» одними только женскими голосами,— да об этом и думать нечего; сила сопереживания вызывает какой-то даже особый озноб восторга...

Ощущение тончайшего вкуса и меры сближает традиционно-народное исполнение с лучшими лирическими хоровыми мелодиями русской классики. Великое множество тончайших вокальных красок сливается тут воедино, обретая душевность, на которую и откликаются безошибочно, без словесного перевода, люди во многих городах за рубежом... Что уж говорить о реакции многих миллионов зрителей в родной стране!

Здесь, в Воронежском ансамбле, конечно, не у всех артистов есть звания; но в то же время с уверенностью можно сказать, что нет ни одного участника хора, оркестра, танцевальной группы, кто не был бы артистом настоящим.

Их самобытность, непосредственность, разумеется, обогащены теперь высоким профессионализмом: это уже не самодеятельность, пусть самой высокой пробы. Это артисты. Но главное, что чувствуешь с особой остротой,— это их собственную радость. Их общее, но при этом еще и личное их счастье, возникает как бы само собой во время песни, танца, хоровода, превращающихся поэтому в какой-то искрометный, вихревой праздник.

Все, что исполняет ансамбль, хочется не только назвать, но сохранить в душе. Унести с собой... Хочется вновь и вновь вызывать в памяти прелестный «Свадебный хоровод» — живое и оригинальное действо, где даже в молниеносно мелькающих движениях общего танца ни одна творческая индивидуальность не обезличена, не унифицирована, не приглажена. Не стала всего лишь крохотной частью бесконечного плясового круговорота...

Здесь, пожалуй, в этом истовом сердечном сбережении коллективом великолепных традиций своей земли, традиций мастеров-основоположников — Массалитинова и Рогинской, Чернышова и Шостака, Шматько, Мистюкова и, конечно, Мордасовой — основа нынешней великолепной творческой независимости ансамбля. И истоки вдохновения. Конечно, их нужно сохранять с великим уважением нынешнему, недавно пришедшему художественному руководителю, ленинградцу И. Волкову. Он вел все репетиции перед отъездом ансамбля на гастроли в ФРГ. Мне на репетициях повезло: богатейшие костюмы воронежцев — и женские и мужские — уже готовились к поездке, укладывались в большие коробки. Певцы и танцоры репетировали в простой, будничной «рабочей» одежде. И каждый поэтому был виден и слышен как-то особенно выразительно: отчетливо и ясно.

Запомнились все. Некоторые же особенно... Словно густой, низкий колокол оттеняет каждую песню волнующее протяжное контральто Клавдии Дмитриевны Гореловой. А ее муж Григорий Степанович Горелов, крупный, широкоплечий человек с добрым открытым лицом, выходил запевалой. Да, вот так именно и хотелось их видеть — без нарядов и вышивок — без «моды» на внешнюю «народность», которую они все, впрочем, как-то очень удачно преодолевают личностной силой, обаянием таланта...

В коллективе много прочных, слаженных творчеством, искусством семейных, супружеских пар. Им, конечно, работать легче. Ведь иногда по двенадцать, а то и более часов длятся репетиции... А концерты, а поездки... Люди есть люди, и всякому терпению жены или мужа, если они не в хоре, может прийти конец.

— Да,— соглашается с этим сразу директор хора Светлана Ефимовна Данилова, такой же энтузиаст и подвижник ансамбля, как они все.— Здесь нельзя быть «просто исполнителем» или «просто руководителем»! Здесь надо отдавать себя целиком. Или уходить.

Спорить с этим тоже, наверное, не следует.

— Ансамбль является нашей, пусть трудной, да, но счастливой долей,— говорит Татьяна Николаевна Ефромеева. Она, как и все, когда-то была участницей самодеятельного коллектива; руководил им А. П. Шостак, знаменитый и поныне создатель таких великолепных плясовых композиций, как, например, сплошь на юморе замешанная «Субботея» или «Бочоночек по погребу катается»... В танцах Шостака Таня Ефромеева, танцовщица, самобытная, талантливая, освоила с блеском и «дроби» и «вертушки» и теперь часто выступает уже как актриса солирующая. А Иван Митрофанович Беликов, муж Тани, нынче уже руководитель оркестра... Кстати, руководить этим оркестром, где есть не только баян и аккордеон, а также многие крохотные их «подобия», не только широко известные струнные, но еще и такие «инструменты», как ложки, ведра, пила и топор, не говоря о жалейке, брелке, рожках и многих других, удивительных, поющих, звенящих, свистящих предметах,— совсем не просто!

А каков Дорохов Виктор Иванович!.. Это он совершает свои танцевальные бравурные прыжки умопомрачительной высоты и невероятного озорства, поражающие любую публику. Танцевать же начал еще мальчиком, в школьные годы.

— Счастлив я! — говорит он искренне. И повторяет: — Очень счастлив!.. Всегда вижу перед собой радостные глаза! Вроде бы со всеми людьми делюсь счастьем... И ведь жена мне такая же досталась! Она ведущая певица хора. Видели вы ее: Дорохова Татьяна Митрофановна; учится у нашей знаменитой Марии Николаевны Мордасовой, которую нынче весь мир знает...

И сколько ни было у меня встреч в Воронежском ансамбле, почти все они были счастливыми...

Выступают Е. Молодцова и Н. Козырев.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Артистка танцевальной группы Т. Ефромеева * Русская пляска * «Карусель».

Фото М. САВИНА

НА ТИХОМ ДОНУ

А. СОФРОНОВ

Фото Н. КОЗЛОВСКОГО

Не так давно в Ростове и в некоторых районах Ростовской области прошли Дни литературы России на Дону. Писатели побывали в Волгодонске, Таганроге, Новочеркасске, в колхозах Цимлянского, Неклиновского районов, в совхозе «Гигант», встретились с читателями во Дворце культуры завода «Ростсельмаш», на заводе «Красный Аксай» и в других местах. В этих встречах участвовали драматурги, публицисты, поэты и очеркисты. Вопрос, который был главной темой встреч, объединил всех: «Продовольственная программа: задачи драматургии и публицистики». Как известно, в наши дни публицистика все больше насыщается драматургией, а драматургия — публицистикой. Поэтому с момента прилета в Ростов и до отлета в Москву все выступления писателей были наполнены думами и размышлениями о сегодняшнем и завтрашнем дне наших российских литератур, их роли в осуществлении Продовольственной программы.

Успешному проведению этой работы в немалой мере способствовало большое внимание и забота Ростовского обкома КПСС. Первый секретарь обкома Иван Афанасьевич Бондаренко встретился с писателями и интересно рассказал о том, как работают труженики области на заводах и фабриках, на селе, в науке. Встреча в обкоме была как бы вступительной главой ко всему тому, что пришлось повидать и почувствовать писателям за эти плотные пять дней...

* * *

Много, очень много раз бывал я на «Атоммаше», зрительно запоминая, как растет и крепнет этот удивительный завод, мощно шагающий из года в год, уже начавший выпускать сложнейшую атомную технику. Но я помнил не только этапы строительства «Атоммаша»...

Когда-то, при каждом возможном случае направляясь в расположенную на правом берегу Дона любимую станицу Цимлянскую, мы, не задерживаясь, проезжали мимо небольшого поселка. В конце сороковых годов здесь началось сооружение Волго-Донского канала и Цимлянского водохранилища. Еще в 1951 году вместе с композитором Семеном Заславским мы написали там же, в Цимле, песню «От Волги до Дона». В 1952 году Дон был окончательно перекрыт. Поднялась мощная плотина. Заплескалось водохранилище, которое вскоре естественно приобрело название Цимлянского моря.

Наша бригада, в которую входили Максим Геттуев, Анатолий Поперечный, Леонид Моисеев из Орла, москвичи В. Малашенко, В. Губин, Л. Любавина, Г. Садовская, ростовский поэт Владимир Фролов, отправилась в Волгодонск. Почти все приехавшие были здесь впервые. Видимо, волгодонцы знали об этом. Нас пригласили на встречу с первым секретарем горкома КПСС Александром Егоровичем Тягливым. Не один раз мне приходилось в этих местах видеться с ним — он был и строителем и советским работником, а сравнительно недавно его избрали секретарем Волгодонского горкома партии. Напротив его письменного стола, на стене — рельефная карта будущего Волгодонска.

Тягливый внимательно окинул взглядом гостей и, улыбаясь, спросил:

— Ну, что же, товарищи, начнем?

Трудно, да и нет необходимости пересказывать все, что рассказал Тягливый писателям. Многое из того, что он говорил, было или известно, но как-то позабылось, или действительно было новым и появиться могло только в городе, где не просто строят, а строя, думают о том, каким должен быть и станет этот город и все то, что в нем возникает.

— Вот уже тридцать два года как существует Волгодонск, началу своему целиком обязанный Цимлянскому гидроузлу. Известно, что еще во времена Петра родилась мысль о прокладке канала, который соединил бы Волгу с Доном. Практически же все началось тогда, когда было решено построить Цимлянскую ГЭС и водохранилище для улучшения условий судоходства и орошения полей. Именно тогда появились шагающие экскаваторы, земснаряды и всякая другая техника.

...Все это осталось в моей памяти: мчащиеся по пыльным дорогам грузовые машины, клокочущая донская вода, выросшие, словно внезапно, бетонные заводы.

— Впервые в мире,— продолжал Тягливый,— на практике решили делать плотину из песка. Американцы вдоволь издевались над нами, изощряясь в своих газетах в остротах, всяческих пророчествах, дескать, через месяц песок будут ловить в Азовском море... Но этого не случилось. Возле воды бурно стал развиваться регион из тридцати с лишним совхозов. Создавался порт пяти морей. Северный лес из Волги сплавлялся сюда. Строились предприятия. Появился хлебозавод.— Тягливый остановился и спросил: — Не утомляет история?

Нет, история никого не утомляла.

— Пойдем дальше. В конце пятидесятых годов был построен крупный химический комбинат. К 1975 году в городе было тридцать шесть тысяч жителей. В это время и было принято решение правительства о строительстве завода «Атоммаш». Началось еще более интенсивное строительство города. Объем строительно-монтажных работ составлял уже сто девяносто четыре миллиона рублей в год. За семь лет население города возросло еще на сто тридцать тысяч жителей. Сегодня в Волгодонске живут сто шестьдесят две тысячи человек. Достичь этого, конечно, было не так просто. Многим людям все же негде было жить. Даже палаток не хватало. Однажды мы решили пойти на крайнюю меру — закрыли одну школу. Сказали: «Книжки — под мышки, занимайтесь дома». Конечно, скоро все встало на свое место. Сейчас в городе более двадцати предприятий. Город молодежный и многонациональный. В Волгодонске живут представители семидесяти восьми национальностей. Средний возраст горожан — двадцать пять лет. Очень много детей. Иногда ходишь по городу, и кажется, что ты в детском саду.

— А сколько детей в семьях?

— Три-четыре... Бывает и до восьми.

— Как с жильем обходитесь в этом случае?

— По-всякому... Иногда объединяем две квартиры и отдаем одной семье. Республики хорошо помогают нам кадрами. Сто юношей и девушек приехали из Азербайджана, пятьдесят — из Узбекистана.

— В какой готовности «Атоммаш»?

— По неполной информации, на сегодня он построен на шестьдесят процентов. Но ведь у нас не только «Атоммаш»... Строится еще несколько крупных объектов. Ростовская атомная станция. Завод «Энергомаш», который будет выпускать тяжелые поковки. Это крупнее «Атоммаша». Работать на нем будут тридцать пять тысяч человек.

— А на «Атоммаше»?

— Двадцать пять тысяч.

— На какое количество жителей проектируется город?

Тягливый вышел из-за стола и подошел к рельефной карте.

— Генеральный план рассчитан на четыреста пятьдесят—пятьсот тысяч человек. Ежегодно нужно осваивать двести двадцать миллионов рублей. Таким темпом мы должны идти пятнадцать лет.

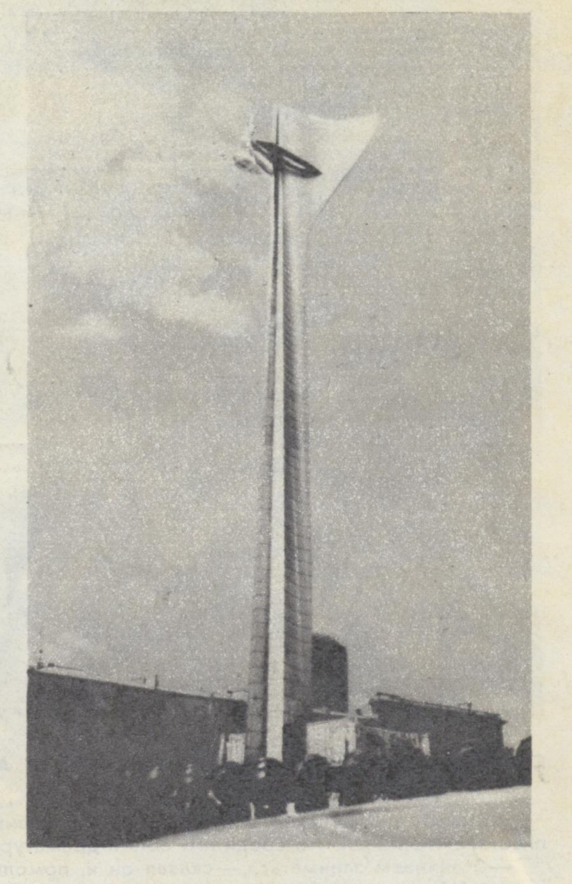
— Каков принцип строительства жилья?

— Мы считаем, что дома должны быть малоквартирные, где жители хорошо знают друг друга. Главное — воспитывать молодежь. А то какой-нибудь мальчуган идет и уже курит, а его в доме и во дворе никто не знает. Раз никто не знает, значит, никто и не тронет.

— Как будет с культурой в городе?

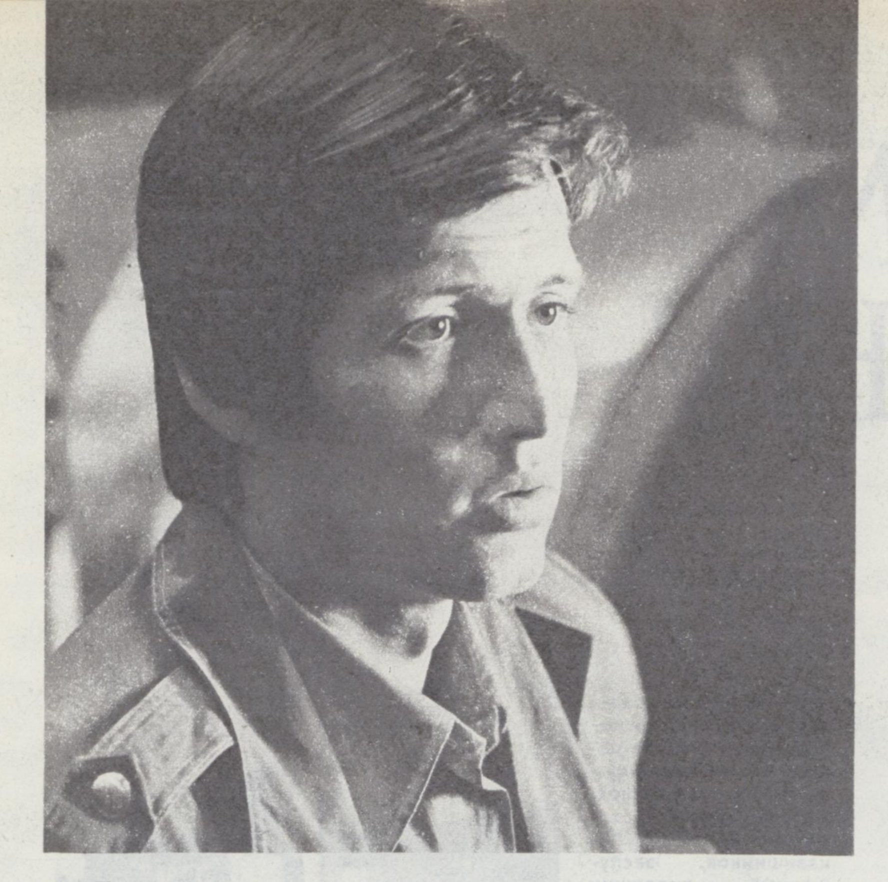
— Как будет? Уже кое-что есть... Парки. Музей под открытым небом. Гребной канал. Зона отдыха. Спортивная зона на десять тысяч человек. Дом культуры строителей на шестьсот пятьдесят мест. Дворец культуры «Атоммаша».

— А театр?

Этот памятник воздвигнут воинам, освободившим Ростов-на-Дону от немецко-фашистских захватчиков. Авторы: народный художник РСФСР И. Рукавишников, заслуженный художник РСФСР А. Филиппова, заслуженный деятель искусств РСФСР Н. Миловидов.

Монументально-декоративная скульптура «Степан Разин со товарищи в ладье». Выполнена из шестисотлетней лиственницы. Скульптор В. П. Сосунов * Скульптуры В. П. Полякова: «Дед Щукарь» и «Казачка Аксинья» * В этих уютных домиках и на старинном судне ростовчане любят проводить часы отдыха.

Старший мастер сборочно-сварочного участка А. Антропов.

Тягливый внимательно посмотрел на сидевших за длинным столом писателей. Он знал, что среди них есть и драматурги.

— Начинаем заниматься,— сказал он и, помолчав, добавил: — Начинаем... Обязательно будет картинная галерея.— Тягливый снова вернулся на свое место.— Нам хочется создать город, который заглядывал бы в будущее. Именно город должен быть базой, где можно воспитывать людей в коммунистическом духе.

— Как вы сами оцениваете завод «Атоммаш»?

— Сам завод? Мировая практика пока таких предприятий еще не знает. Строим завод, потенциальная мощность которого не может не восхищать. Мы хорошо понимаем, что многое люди оставили за пределами Волгодонска. Поэтому мы стремимся создать здесь новые традиции, памятные места. Нам хочется, чтобы, кроме обычной пищи, была в изобилии и духовная. К примеру, у нас есть родник, куда молодежь приходит в дни рождения. Может, вы заметили на реке деревянные скульптуры?

— Конечно.

— Это работа нашего скульптора... Здесь, по легенде, Степан Разин перетаскивал свои челны в Волгу. Фигуры — из дерева. Лиственница из Братска. Может, заметили, еще есть фигура деда Щукаря, а ближе к плотине, рядом с родником, сидит Аксинья... Есть клуб интернационального воспитания. Клуб ветеранов...

— Как дела с алкоголем?

Тягливый пожал плечами:

— Что же, у нас имеется дегустационный зал, где неопытных, если можно так сказать, учат, как употреблять эту влагу. В городе же стараемся соблюдать «сухой закон». Относительный, конечно... Но все же. Крепленых вин в магазинах не продают. Ни одной бутылки плодово-ягодных вин в продаже нет. Если где найдут пустую бутылку от таких вин — это ЧП... Однако перейдем к овощам. Аграрно-промышленный комплекс, созданный на базе трех совхозов, обеспечивает жителей овощами. В прошлом году на каждого человека в среднем вышло по 137 килограммов. И в зимний период овощи были. В отношении фруктов ставим себе такую же задачу. Картофелем своим удовлетворяем потребности лишь на пятьдесят процентов, остальное завозим. Так же обстоят дела с мясом и молоком. Наша задача — вести курс на самообеспечение. В округе много воды. Создано большое рыбное хозяйство.

— Какое соотношение в городе мужчин и женщин?

— Примерно одинаковое. В городе много матерей-одиночек. Для них имеются общежития. Но многие, к счастью, выходят замуж. Есть детские садики с недельным пребыванием. Стараемся создать матерям хорошие условия жизни... Но вы писатели и понимаете, сколь это все острые вопросы. Однажды открывается дверь кабинета, и на пороге появляется женщина с ребенком. Стоит — молчит. И она молчит, и ребенок молчит. «Что случилось?» — спрашиваю. «От мужа сбежала. Он работает в Липецке. Женился. Об этом получила письмо. Хоть с третьего этажа бросайся. Ехала в Волгоград. Поделилась горькими думами с соседкой по вагону. Она сказала: «Выходи в Волгодонске. Там заботятся о таких, как ты». Сошла. Увидела, у вас окна светятся,— вот и пришла». А я сижу, смотрю на нее и думаю: «Что же с ней, горемычной, делать? Куда ее определить?» Спрашиваю: «Какая профессия?» «Экономист». «Придется лифтером поработать. Лифтерам жилье в доме дают». «Ну, что ж, как этап»... — вздохнула женщина. Устроили ее на работу.

— Замуж вышла?

— Вы многого от меня хотите... Кажется, вышла... Впрочем, могу и ошибиться.

— А разводов много в городе?

— Требуется некоторое разъяснение... Дело в том, что многие приезжают сюда и здесь оформляют развод. Вообще-то на сто браков — разводов довольно много.

— В потоке приезжающих кого больше?

— Разные, очень разные люди приезжают.

— Есть и со строек?

— А как не быть!

— Все хорошие? Опытные?

— Есть хорошие, а есть и слишком опытные. Появился один... Побывал на КамАЗе, в Тольятти, Ташкенте. Назначили мастером. Женился здесь. Вдруг появилась предыдущая жена... Конечно, скандал. Запросили все места, где он работал,— всюду оказалось по жене. Исключили из партии. Но трудится здесь. Говорят, исправляется.

— Как исправляется?

— Никуда больше не уезжает.

— Кстати, какой средний заработок на «Атоммаше»?

— 180 рублей.

— Скажите, товарищ Тягливый, сейчас меняется стиль руководства. С вашей точки зрения, какие психологические особенности в этом новом стиле?

Тягливый внимательно посмотрел на задававшего вопросы. Это был драматург Леонид Моисеев.

— Помните, что говорил Ленин о политике? Он как бы спрашивал и отвечал сам себе. Политика — это концентрированная экономика. Каждому из нас надо знать экономику — чтобы понимать уровень ответственности, знать, какие требования можно предъявить каждому человеку. Вы спрашиваете о стиле руководства? Я позволю себе сказать, что наш город не характерен для обобщения. Некоторые отделы в наших учреждениях я бы сформировал по-другому... А их-то и нет по штатному расписанию. Например, строительного отдела. И еще в школах в два раза больше учеников, чем положено, а количество преподавателей — по общей схеме. У нас, как видите, горком, а районирования пока нет. А надо бы. Город у нас новый, молодой, и нам приходится работать не по стандарту. Наши формы и методы работы порой отличаются от других. У нас, например, никто не удивится, если вдруг в десять вечера вызовут на работу. Или в субботу, или в воскресенье. Бывают и конфликты. Как-то начался сильный снегопад. Ночью даем команду — поднять всех. Сообщают — один начальник треста не поднимается. Посылаем за ним нарочного. Поднял, привез на работу. А все дело в том, что надо было сделать все, чтобы 35 тысяч человек были доставлены утром на работу. Все обеспечили. Конечно, несколько превысили свои полномочия! Начальник треста обиделся, но главное мы сделали. Как нам известно, в городах, где не были приняты такие меры, наутро все оказалось парализованным. Но, конечно, делаем мы это все не единолично. Активно работает совет директоров. Чутко стараемся прислушиваться к общественному мнению.

— Какие еще сложности ощущаете? В работе с молодежью, например...

— На каком-то этапе мы упустили вопросы трудового воспитания. Есть у нас люди, считающие, что их это не касается. В результате ходит какой-нибудь парнишка по городу и узлы железные завязывает. От избытка силы... У нас ведь много ребят... Вот и чувствуем, что нет системы комплексного воспитания. Сейчас стараемся в двух районах осуществить кое-что. Для детей надо ввести известный режим. В определенное время ребята должны сидеть дома и заниматься уроками. В три часа дня пусть выходят на улицу. А то Ваня уроки учит, Витя мяч гоняет, а Петя по улице бродит. В окно все это видно — как тут сосредоточишься на уроках? Вообще-то противоречий в таких расписаниях нет — только надо вводить их равномерно. Все надо чувствовать и видеть. У нас, к примеру, имеется на учете сто трудных подростков. Стали приглядываться к ним, анализировать их характеры. И оказалось, что многие из них сообразительней других, выше по общему уровню развития. Может, это только у нас? — Тягливый снова улыбнулся, посмотрел на часы.— Мне пора, друзья-писатели. Сколько мы с вами беседуем?

— Два часа.

— Желаю успехов... Надеюсь, не жалеете, что приехали в Волгодонск?

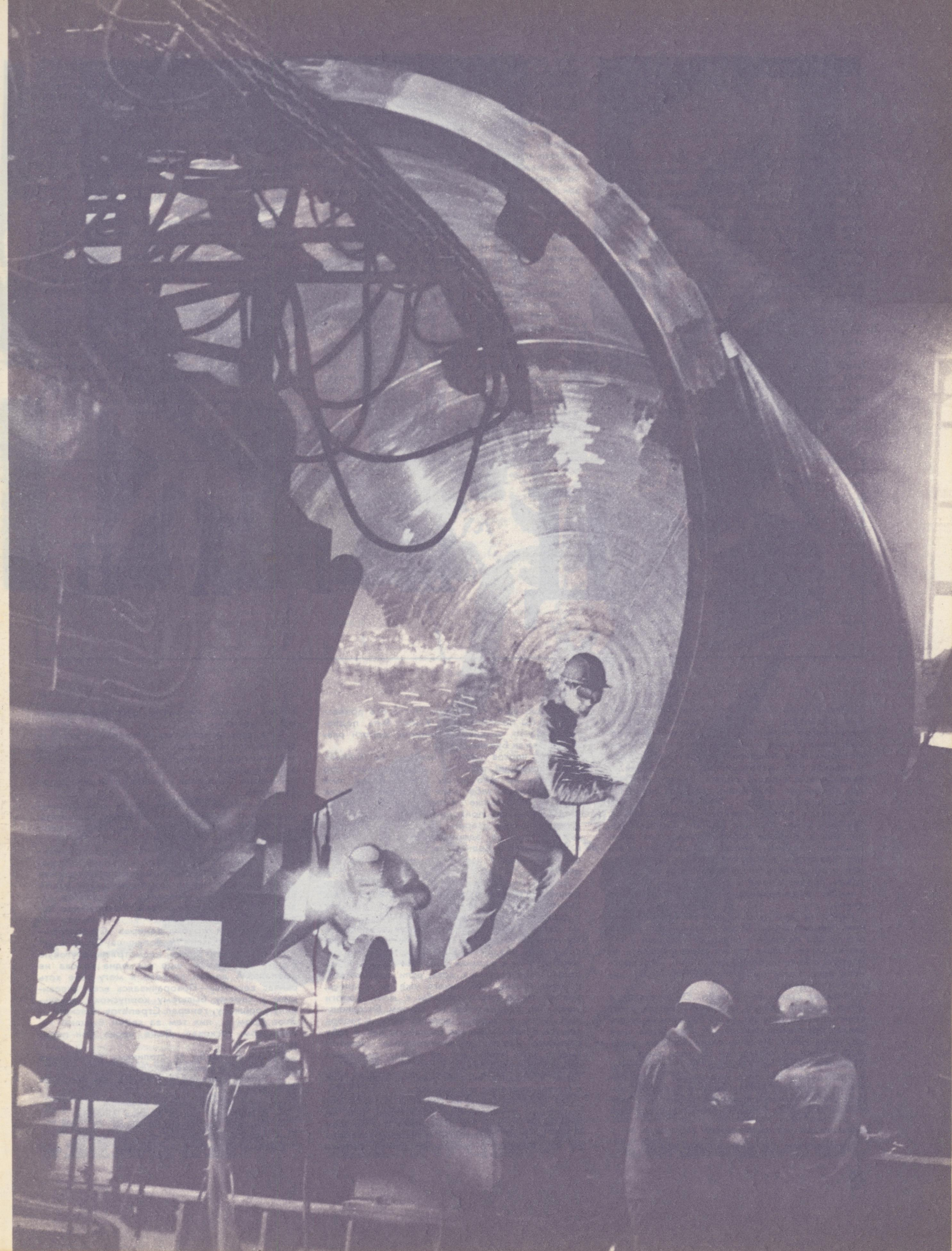
Да нет, конечно, не жалели... Да и кто мог жалеть, когда снова и снова мы увидели широту донских степей, город Цимлянск, поднявшийся на месте станицы, по дороге к которому увидели как бы ожившие образы шолоховской Аксиньи, сидящей у родника, и деда Щукаря, зорко всматривающегося в даль. Вечная шолоховская литература создала эти вечные образы.

Не забудется и литературный вечер в колхозе «40 лет Октября» в Цимлянском районе, вечер, который закончился сердечными словами председателя колхоза Владимира Алексеевича Ставицкого. И ужин в березовой роще под неукротимое пение соловьев. И снова вешняя ночь и раннее утро в Волгодонске. И, наконец, цеха «Атоммаша», ровная, почти бесшумная работа огромных станков, блестящая, чуть серебристая стружка, выползающая из-под могучих резцов. И, конечно же, встречи с теми, кто в этих цехах создает новые агрегаты атомной индустрии. В одной из бригад я спросил: «Кто откуда приехал сюда?» В ответ услышал: «Из Горького», «Из Азербайджана», «Из Ростова», «С Украины». Все из разных мест — и все вместе...

И вдруг снова память перенесла меня в годы первой пятилетки, в слесарную бригаду решеточной мастерской «Сельмашстроя», на окраину Ростова, туда, где мы поднимали славный завод комбайнов, так много сделавший более чем за пятьдесят лет для нашего сельского хозяйства, для всего нашего народа. И от этих воспоминаний никуда не уйдешь.

Память неистребима!

«Атоммаш», цех корпусного оборудования. Подготовка к сварке нижнего полукорпуса реактора.

Книга вторая

Анатолий КАЛИНИН

РОМАН

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

...Ох, и тяжелый этот цыган. Как из железа. Это тебе не Настя, которую Михаил без чужой помощи смог поднять с пола в зале и донести на руках до своего самосвала, хотя и она тоже обвисла у него на руках, как неживая. Правда, от самосвала до роддома ее уже несли на носилках санитары.

И почему это люди, когда они без памяти, всегда становятся тяжелее? А Егор, как ни в чем не бывало, тоже поспешил улизнуть, сдав его на руки Михаилу. Как будто он и в самом деле родня этому цыгану. Всю свою жизнь Михаил прожил без такой родни — и вот теперь радуйся.

Ничего другого не остается, как сзади, со спины взять его под мышки и попробовать втянуть в дом волоком. Голова у него свесилась набок, вот-вот оторвется. А борода на бледном, без кровинки лице — как тот же куст чернобыла на белом снегу.

Теперь же пусть он пока посидит, прислоненный спиной к стене. Пока для его цыганского величества постелят на диване постель в зале. И надо с него снять сапоги перед тем, как втаскивать на диван. Гляди-ка, а нога у него совсем маленькая, хоть сам он и не мелкий. Ничего себе мужик, кило на сто потянет. Недаром отец Михаила хвалился матери, что у казаков ноги маленькие потому, что они от века больше верхом ездили. Значит, и у цыган потому же. Всю жизнь только и знают кататься, пёши не ходят.

Ну вот, а теперь можно и одежку снимать. Так ему будет вольнее дышать. Сколько же, интересно, он еще собирается вот так с открытыми глазами лежать?! Смотрит, а не видит. Как будто у Михаила никаких других дел нет, чтобы сидеть возле него и дежурить, когда он придет в память.

— Эй, дядя! — Михаил затряс Будулая за плечо.

Ничто не дрогнуло на все так же бескровном, белом лице. Тогда Михаил стал трясти его за оба плеча — и снова не услышал в ответ ни звука. Только голова перекатывалась на постели с бока на бок. Даже ничуть не вздрогнули веки. Глаза смотрели все так же туманно и отчужденно.

Михаилу стало не по себе. Он оказался в доме один на один с человеком, который совсем не хотел отзываться на его слова и не подавал признаков жизни. И все из-за нее же, из-за Насти. Но она, слава богу, не знает ничего. Еще не хватало ей об этом знать.

Значит, никак не обойтись без того, чтобы израсходовать на этого родича тот спирт, которым поделился с Михаилом в прошлом месяце на паромной переправе через Дон знакомый шофер из Раздорского винсовхоза. Ничего не поделаешь! Жаль было Михаилу этой бутылки с виноградным ректификатом, сберегаемой им в кладовке до дня рождения первенца. Но теперь и это уже ни к чему. Поздно было жалеть.

Он сходил в кладовку за спиртом, смочил им суровое полотенце и, закатывая нижнюю сорочку на груди у Будулая, даже вздрогнул: вот это ну! Кто же это его учил так с мотоцикла падать?! Ребра, кажется, остались у него целые, а шкура вся вздулась и почернела, как овечий кожух. И под нею в груди у него булькает и клокочет так, что страшно слушать. Ничего, потерпи, цыган, сейчас спирт начнет и эту черноту в себя забирать и дыхание откроет. Вообще он тебя должен согреть. Конечно, лучше, когда он согревает изнутри, но тут уже ничего не попишешь. Нельзя тебе. Чистый спирт — не какое-нибудь церковное вино, не кагор, чтобы им можно было с ложечки поить, от него задохнуться можно. А ты и без того почти не дышишь. Давай-ка лучше я на бок тебя поверну и вотру его еще между лопаток.

Легко сказать «поверну», если сам он никак не ворочается, как мертвый. Так Михаил и поверил этой ворожее, что он с мотоцикла упал. А почему же тогда и голова у него вся вспухшая, как шар, хотя ни единой царапинки нет на ней? Как будто ею подсолнухи молотили. Кто его так обработал?

Хорошо еще, что не при Насте его привезли. Вот бы полюбовалась. Умеют бить, подлецы. Кому-то, значит, ты поперек дороги оказался, цыган Будулай.

Терпи, чертов родич. Конечно же, больно, если шкура на тебе так и вздрагивает под пальцами, но зато потом будет легче. Мне еще осталось тебе ноги растереть — и как раз всей бутылке будет конец. Чистейший ректификат приходится тебе в твою цыганскую шкуру втирать. Вместо того, чтобы выпить его за здоровье своего первенца и его матери. Бедная Настя, как она кричала: «Не будет у нас, Миша, ни сына, ни дочери!»

Теперь он, должно быть, и до твоих внутренностей достиг и ты уже весь в моих руках пьяненький, а это значит, что скоро пройдет и твоя боль. Терпи. Было время, когда и мне ты белый свет заслонял, но сейчас беда не со мной, а с тобой. И я по милости Егора с Шелоро обязан теперь возжаться с тобой, как будто ты и в самом деле мне какой-нибудь брат. После сочтемся, хотя, если разобраться, у меня против тебя ничего уже не осталось, раз ты тогда после свадьбы с моей дороги ушел. Ты, оказывается, не совсем бессовестный цыган, и поэтому, должно быть, я теперь вожусь с тобой. Видела бы Настя, как я тебя растираю чистейшим виноградным спиртом вместо того, чтобы его по случаю рождения нашего первенца пить.

Нет и больше никогда уже не будет у нас с Настей первенца, потому что...

Тут вдруг в сознании Михаила с такой обжигающей отчетливостью связалось, что он задрожал: потому что добегалась она по всей степи за этим цыганским кузнецом, которого он же, Михаил, и отогревает сейчас своими руками от смерти. Вот ведь какие узлы завязывает жизнь!

Но ты все равно должен до конца оставаться человеком, Солдатов Михаил, а там видно будет. Сейчас, цыган, сейчас, проклятый родич, я вотру в твою шкуру последние капли, и ты будешь жить. Пьянствуй, я не жадный. По твоей наружности никак нельзя сказать, чтобы ты на кузнеца был похож, а вот теперь-то я уже лично убедился: кузнец. И тело у тебя такое, как будто его тоже кто-то из железа отковал. Вот еще почему они не смогли тебя до смерти забить. Неужели же ты им так просто дался, цыган?!

Давай-ка переворачивайся опять на спину и теперь хочешь закрывай свои черные гляделки, хочешь с открытыми лежи. Все равно от тебя до самого утра уже ничего не добьешься. Целая бутылка ректификата на тебя, чертова родича, до последней капли ушла. Спи. А утром я к тебе докторов привезу.

Уже вызрели и начали осыпаться над табунной степью последние звезды, а над поселком конезавода все еще реяло перламутрово-матовое облако света. Давно улегся звон столкнувшихся при встрече фронтовых друзей — грудь к груди — золотых и серебряных наград, высохли слезы. Выпито было цимлянское, которое всю ночь полыхало в бокалах над столиками, когда вставали для тостов.

Можно было размягченно откинуться на спинки стульев, незаметно расстегнув мундиры и чекмени.

— А этот жеребец на четвертом отделении только что не говорит. Так и ковыряет своими глазами под сердце. Ни одного пятнышка. Из чистого золота слит.

Генерал Стрепетов поискал глазами среди столиков.

— О нем вам, Сергей Ильич, мой бывший ординарец еще кое-что может рассказать.

И опять Тимофей Ильич не заставил себя ждать:

— Мало того, что он у нас вдребезги своими копытами стенку новой конюшни разгромил, он потом еще, оказывается, сумел вплавь переправиться через Дон и прямым ходом представиться на конезавод. А я теперь изволь по этой распутице транспортируй его обратно.

— Ну нет,— отрубил генерал Стрепетов,— назад ты его у меня не получишь. Стеречь надо было. У меня здесь, несмотря на круговую осаду конокрадов, еще ни одна голова не пропала. А деньги за него я могу тебе хоть сейчас вернуть.— Поворачиваясь всем туловищем к своему бывшему корпусному начальнику Горшкову, генерал Стрепетов пояснил: — Этот Гром у них там за своим бывшим табунщиком тосковал. Даже через Дон переплыл.

Общий разговор за столиками все больше рассыпáлся на мелкие осколки:

— Ты бы, Ермаков, нас тоже к себе на дегустацию повез.

— Мы с тебя дорого не возьмем.

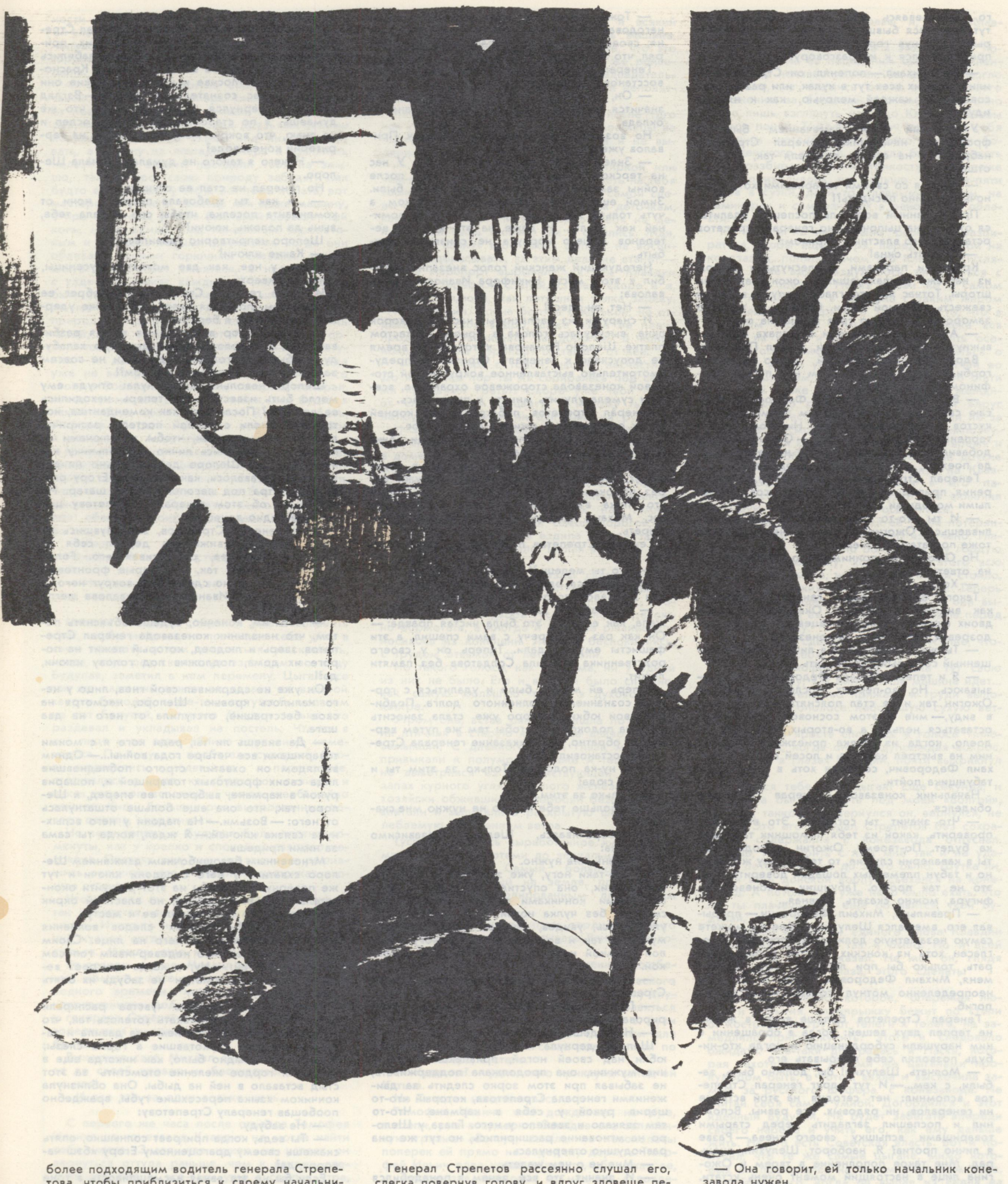
— А Шелухин что-то крылья опустил.

— Скучает без молодой жены.

— Надо было дерево по силе ломать.

Должно быть, этот-то момент и счел наи-

Продолжение. См. «Огонек» №№ 22—24.

более подходящим водитель генерала Стрепетова, чтобы приблизиться к своему начальнику и наклониться к его уху для какого-то не терпящего отлагательства сообщения. Тот самый водитель, который возил генерала еще на фронте. Но тогда он был черный, как майский грач, а теперь младенчески розовое темя уже просвечивало у него сквозь тщательно зачесанные на один бок волосы.

Генерал Стрепетов рассеянно слушал его, слегка повернув голову, и вдруг зловеще переспросил:

— Какая такая цыганка? Я же русским языком приказал никого не пускать.

— Это Шелоро Романова,— пояснил шофер.

— А-а!—торжествующе воскликнул генерал Стрепетов и, сунув руку в карман, чем-то там побренчал.— Гони ее к коменданту.

— Она говорит, ей только начальник конезавода нужен.

Генерал Стрепетов поднял глаза к круглым электрическим часам на противоположной стене, на которых стрелки уже показывали два часа ночи, и иронически осведомился:

— А еще так часика через два она не могла подойти?

Водитель нерешительно топтался возле не-

го, намереваясь еще что-то сказать, но тут вмешался бывший комкор Горшков, который, повернув горбоносое лицо, давно уже прислушивался к их разговору:

— Ты, Михаил,— попенял он Стрепетову,— или зажал их всех тут в кулак, или разбаловал совсем. За каждой мелочью, как к няньке, идут.

Уязвленный этим замечанием бывшего фронтового начальника, генерал Стрепетов набросился на своего водителя так, что тот отшатнулся.

— Могу я со своими товарищами хоть одну ночь спокойно посидеть?!

Пристыженный водитель поспешил удалиться от него на цыпочках, но генерал Стрепетов остановил его властным окриком:

— Открыть окна!

Красными парусами, выплеснутыми ветром из настежь распахнувшихся окон, захлопали шторы. Тотчас же вторглась снаружи влажная свежесть табунной степи. Сладостью первого заморозка и прелью трав задышала она.

— А в городе можно и от запаха сена отвыкнуть,— почмокав губами, сказал Привалов.

Вдруг Шелухин, который давно пасмурно горбился за своим столиком над пустым графином, громко заявил:

— Все! Решаюсь, Михаил Федорович! Бросаю свой дом с виноградным эдемом на сто кустов и переезжаю сюда. Никакого моего терпения больше не хватает.— Он угрожающе добавил: — А тот, кто со мной не захочет сюда поехать, может остаться в эдеме.

Генерал Стрепетов, не скрывая удовлетворения, приподнял щеточку седых усов над белыми молодыми зубами.

— И ты что-то весь вечер ко мне прицеливаешься, Ожогин? Думаешь, не вижу. Али тоже посвататься хочешь?

Но Ожогин, не принимая его шутливого тона, ответил:

— Хочу.

Такого оборота даже генерал Стрепетов, как видно, не ожидал. Оказывается, сразу двоих фронтовых сослуживцев он, сам не подозревая, завербовал на конезавод.

— Ты же обещал меня в лично тобой выращенный сосновый бор свозить.

— Я и теперь, Михаил Федорович, не отказываюсь. Но, во-первых, после того как...— Ожогин так и не стал пояснять, что он имел в виду,— мне в этом сосновом бору никак оставаться нельзя, а во-вторых, мне уже надоело, когда из главка приезжают гости, к ним на выстрел кабанов и лосей гнать. Я, Михаил Федорович, согласен хоть в помощники табунщика пойти.

Начальник конезавода генерал Стрепетов обиделся.

— Что значит ты согласен? Это еще надо проверить, какой из тебя помощник табунщика будет. По-твоему, Ожогин, выходит, раз ты в кавалерии служил, то тебе сразу же можно и табун племенных лошадей доверить. Нет, это не так просто. Табунщик в коневодстве фигура, можно сказать, главная...

— Правильно, Михаил Федорович,— прерывая его, вмешался Шелухин.— Мне вы можете самую незаметную должность поручить. Я согласен хоть из конских хвостов репьи выбирать, только бы при лошадях быть. Берите меня, Михаил Федорович, чтобы я там,— он неопределенно мотнул головой,— совсем не погиб.

Генерал Стрепетов больше всего в жизни не терпел двух вещей: когда в обращении с ним нарушали субординацию и когда кто-нибудь позволял себе прерывать его.

— Молчать, Шелухин! Вы, должно быть, забыли, с кем...— И тут вдруг генерал Стрепетов вспомнил: нет сегодня на этой встрече ни генералов, ни рядовых. Все равны. Вспомнил и поспешил загладить перед старыми товарищами вспышку своего гнева.— Разве я лично против? Я, наоборот, Шелухин, очень рад. Мне такое пополнение в твоем и Ожогина лице в настоящий момент очень кстати. После того, как на трех из четырех отделений у меня разбежались все цыганские табунщики во главе с известным всем Будулаем.

— Тоже, значит, потянуло покочевать,— вознегодовал полковник Привалов.— А еще меня, своего бывшего комиссара корпуса, заверял, что это он взял себе отпуск.

Генерал Стрепетов, спохватываясь, решил восстановить справедливость:

— Он, Никифор Иванович, действительно значится у меня в отпуске без сохранения оклада.

Но возмущенный Никифор Иванович Привалов уже не слушал и его.

— Знаем мы эти цыганские отпуска. У нас на терском конезаводе, где я сразу после войны замполитом служил, тоже такие были. Зимой еще ничего, вращается с табуном, а чуть только весенним духом потянуло, поминай как звали... И даже на эту встречу ветеранов нашего корпуса не соизволил прибыть.

Негодующий женский голос внезапно перебил в этом месте Никифора Ивановича Привалова:

— Нет, он здесь!

И снаружи, из распахнутых настежь створок окна, высунулась голова в ярком, цветастом платке. Шелоро Романова, которую все время не допускало к генералу Стрепетову предусмотрительно выставленное вокруг новой столовой конезавода сторожевое охранение, все-таки сумела улучить минуту и прорвалась.

Генерал Стрепетов побагровел до корней своих остриженных ежиком седых волос.

— Это еще что за привидение среди ночи? Кто тебя сюда приглашал?

— А я без приглашения.— Путаясь в своих юбках, Шелоро уже перелезала снаружи через подоконник прямо в столовую.— Потому что пока ваша стража допустит меня до вас, Михаил Федорович, он уже может помереть.

Генерал Стрепетов поднялся со своего места.

— Что ты мелешь?! Кто это может умереть?

Поднявшийся рядом с ним Никифор Иванович Привалов дотронулся ему до локтя.

— Будулай.— И Шелоро в упоении продолжала, как если бы это была чистая правда: — Он как раз на встречу с вами спешил, а эти фашисты ему не дали. Теперь он у своего родственника Михаила Солдатова без памяти лежит.

Теперь ей можно было и удалиться с гордым сознанием исполненного долга. Подбирая свои юбки, Шелоро уже стала заносить ногу на подоконник, чтобы тем же путем вернуться обратно, но приказание генерала Стрепетова остановило ее:

— А ну-ка подожди! Только за этим ты и явилась сюда?

— Только за этим.

— И больше тебе ничего не нужно мне сказать?

Полуоборачиваясь, Шелоро независимо фыркнула:

— Очень мне нужно.

Но все-таки ногу, уже занесенную было на подоконник, она опустила, оставаясь с приподнятыми кончиками пальцев юбками над смуглой, без чулка ногой. Она презрительно улыбнулась, увидев, как все присутствующие мужчины так и воззрились на ее ногу с белой каемкой незагоревшей кожи под коленкой.

— А ты подумай лучше,— настаивал генерал Стрепетов.

— Пускай кобыла думает,— привычно отпарировала Шелоро.

— Не будешь потом жалеть?

Шелоро дернула плечом, между тем как юбки над своей ногой, привлекшей внимание мужчин, она продолжала поддерживать, не забывая при этом зорко следить за движениями генерала Стрепетова, который что-то шарил рукой у себя в кармане. Что-то там звякало и звенело у него. Глаза у Шелоро на мгновение расширились, но тут же она равнодушно отвернулась.

— Мне не о чем жалеть.

— И, значит, это все, зачем я понадобился тебе?

Шелоро вдруг с вызовом повернулась к нему лицом.

— Да, все!

— Видите, какие мы гордые.—Генерал Стрепетов обвел взглядом присутствующих, приглашая их в свидетели.— А вы там забились по своим куткам кто в Ростове, кто в Краснодаре, а кто в Москве и не знаете, какие они теперь у нас сознательные пошли.— Взгляд его опять вернулся к Шелоро.— Ты что же думаешь, я по старости уже совсем ослеп и не знаю, что вокруг меня происходит на территории конезавода?

— Ничего я такого не думала,— начала Шелоро.

Но генерал не стал ее слушать:

— ...и как ты требовала посреди ночи от коменданта поселка, чтобы она выдала тебе, вынь да положь, ключи?

Шелоро непритворно удивилась:

— Какие ключи?

Брови у нее, как две мохнатые гусеницы, поползли кверху.

И снова генерал Стрепетов пренебрег ее удивлением, повышая голос, но все же удерживая свой гнев в берегах:

— А твой Егор в это самое время разбивает под лесополосой свою дырявую халабуду, чтобы ваши голодные детишки не совсем замерзли под дождем и ветром?!

Шелоро невольно вздрогнула: откуда ему могло быть известно, где теперь находились ее детишки? После того как комендантша, которую подняли с теплой постели, раскричалась на весь поселок, чтобы за ключами от коттеджа обращались лично к начальнику конезавода, для Шелоро действительно ничего иного не оставалось, как приказать Егору разбить до утра под лесополосой их шатер. Не могло же об этом генералу Стрепетову цыганское радио донести?

Вдруг генерал Стрепетов, задохнувшись от гнева, резким движением дернул себя за воротник мундира, расстегивая его. Голос у него взрокотал так, что старые фронтовые товарищи невольно сдвинулись вокруг него, а рука Никифора Ивановича Привалова легла ему на плечо.

— И ты им, конечно, будешь объяснять потом, что начальник конезавода генерал Стрепетов зверь и людоед, который лежит на пороге их дома, подложив под голову ключи, да?!

Он уже не сдерживал свой гнев, лицо у него налилось кровью. Шелоро, несмотря на свое бесстрашие, отступила от него на два шага.

— Да знаешь ли ты, ради кого я с моими товарищами все четыре года войны...— Одним взглядом он охватил строго побледневшие лица своих фронтовых товарищей и, пошарив рукой в кармане, выбросил ее вперед, к Шелоро, так, что она еще больше отшатнулась от него: — Возьми.— На ладони у него вспыхнула связка ключей.— Я ждал, когда ты сама за ними придешь.

Мгновенным безошибочным движением Шелоро схватила у него с ладони ключи и тут же повернулась, чтобы на этот раз уйти окончательно и бесповоротно, но властный окрик генерала снова пригвоздил ее к месту:

— Не уходи! — Никаких следов волнения уже не оставалось у него на лице. Своим обычным, насмешливо недоверчивым голосом он напомнил ей: — Ну, а когда пригреет весеннее солнышко, смотри не забудь их опять мне вернуть.

Самые противоречивые чувства распирали грудь Шелоро. Ей и плакать хотелось так, что только величайшим усилием она давила и загоняла обратно клокотавшие в горле слезы; и почему-то стыдно было, как никогда еще в жизни; и гордое желание отомстить за этот стыд вставало в ней на дыбы. Она облизнула кончиком языка пересохшие губы, враждебно пообещав генералу Стрепетову:

— Не забуду.

— Ты ведь, когда пригреет солнышко, опять скажешь своему драгоценному Егору «бэш чаворо», да?

Если бы не эта явная насмешливость в тоне и словах генерала Стрепетова, то Шелоро, пожалуй, было бы и не справиться с собой. Никогда еще не испытанное чувство благодар-

ности к этому суровому человеку застилало ей глаза и душило ее за горло, но он же, этот человек, хотел и обидеть ее, возмущая ее гордость, а этого она еще никому не прощала.

— Скажу! — выплеснула она ему в лицо с такой яростью, что теперь уже он попятился от нее.— А вы как же думали, товарищ генерал, вам здесь можно перед друзьями своими конями хвалиться и слезы над ними проливать, а цыгану на лошадь теперь и взглянуть нельзя?! Как, значит, посадили тебя на землю, так и про свою природу забудь?! Как будто ее не было у тебя. Вот тебе лопата, вот мастерок, можно и трактор или даже машину, а про то, чтобы у тебя был свой собственный конь, и не думай. Над генералом Стрепетовым и его фронтовыми дружками, когда они обливают своими горючими слезами коней, никто не посмеет смеяться, а над цыганом с уздечкой может каждый. У казака может быть своя печаль о коне, а у цыгана нет. Он на нее не имеет права. И на свою цыганскую природу он должен раз и навсегда наступить ногой, пусть она не плачет. Прямо ей на горло, чтобы ни одной слезинки — ни-ни! Наступил — и дави до конца, чтобы она никогда уже не воскресла. Что же вы замолчали со своими боевыми друзьями, товарищ генерал, и все время отступаете от меня, как будто я какой-нибудь вражеский танк? Я, может быть, эти слова берегла для вас всю жизнь. Вот и дождались. А за ключи спасибо.

И, круто поворачиваясь на месте, овеяв всех присутствующих ветром своих юбок, она шагнула к распахнутому в ночную табунную степь окну и исчезла в нем так же быстро, как появилась. Генерал Стрепетов всего лишь и успел обвести своих товарищей изумленным взглядом!

— Видали?!

Никифор Иванович стиснул его плечо рукой.

— Но спасибо тебе за своих детей, сказала она.

Михаил Солдатов собрался уже выключить свет, чтобы наконец-то позволить себе уйти в свою комнату и там завалиться на кровать, когда, еще раз скользнув взглядом по лицу Будулая, заметил в нем перемену. Цыган все так же навзничь лежал на диване со вздетой кверху бородой, и все-таки это уже был совсем не тот Будулай, которого Михаил только что раздевал и укладывал на постель. Что-то в его лице и во всем облике неуловимо изменилось. По лицу его пробегали судороги, брови шевелились и, сдвигаясь к переносице, стягивались в узел, как будто он силился и никак не мог вспомнить что-то необычайно важное. Кисти больших рук, выпростанных поверх одеяла, вздрагивали.

Но веки теперь у Будулая были плотно сомкнуты, как у крепко и спокойно спящего человека. Постояв над ним, но так и не решившись окликнуть его, Михаил на цыпочках отошел от дивана.

Что ж, если он и без памяти или во сне, а так волнуется, значит, не вся ушла из него жизнь. И что-то не похоже, чтобы этот могучий кузнец согласился так просто с ней расстаться. Может, еще и оклемается.

Во всяком случае, Михаил не против. В данный момент у него совсем не оставалось свободного времени, чтобы отхаживать этого новоявленного родича. Еще не хватает взять у генерала Стрепетова отпуск без сохранения содержания и превращаться в милосердного брата.

Выключив свет, Михаил едва успел добраться до своей кровати и бесчувственно рухнул на нее.

...И все это за одну только ночь.

С первого же часа после отъезда Тимофея Ильича на конезавод Клавдия не могла найти себе места. Знала, что никак не успеет он вернуться оттуда раньше, чем к вечеру следующего дня, и все-таки уже с самого утра, заступив на свою смену на птичнике, подстерегала каждую машину из-за кручи на спуске из степи в хутор. Так и вздрагивала каждый раз, заслышав рокотанье мотора, и всякий раз, когда на повороте появлялась машина, испытывала страшное разочарование, что это или самосвал, или техпомощь, или же рейсовый шахтинский автобус, а не председательская кофейная «Волга». От жгучей и непонятной обиды ей хотелось плакать.

Катька Аэропорт, которую она, после того как уехала Нюра, взяла себе в помощницы на птичнике, долго наблюдала за ней и не выдержала:

— Шла бы ты лучше домой, стиркой или чем-нибудь другим занялась, смотреть на тебя тошно. Курам зерно сыплешь, а у самой слезы сыплются. Убиваешься по своим деточкам, как по мертвым. Никуда они от тебя не денутся, как были твоими, так и остались. Жди, они еще начнут тебе своих цыплят на воспитание подбрасывать, за этим дело не станет.— Катька Аэропорт вырывала из рук Клавдии ведро с зерном.— Ступай, ступай, скоро и я, на тебя глядючи, как летошная телка зареву.

Но Клавдия, молча борясь с Катькой, не отдавала ей свое ведро, даже из-за ее плеча продолжая наблюдать за дорогой. В конце концов Катька Аэропорт отставала от нее.

— Ну и черт с тобой, квочка несчастная! До каких же пор ты их собиралась под своими крыльями греть?! Скоро уже твои глаза от слез совсем выцветут и никому ты уже не будешь нужна — ни цыганам, ни русским.

И за всю ночь Клавдия не сомкнула глаз. Еще не начинала она топить зимнюю печь, а в доме, особенно по ночам, было невыносимо жарко. Накинув на голые плечи платок, она выходила на крыльцо и долго стояла, не отрывая глаз от Задонья. Там гривы далекого света то и дело взметывались над темной степью, похоже, над той самой дорогой, по которой и она когда-то ездила на конезавод. Ох, и давно же это было! Целая вечность прошла.

Красные и зеленые звезды скатывались с высокого и холодного неба. Иногда собака за Доном, на скотном базу, подавала голос, иногда в соседском дворе гуси начинали тревожно бормотать, а иногда и конское ржание доносилось из конюшни. Лошади беспокоились, с трудом отвыкая от летней воли.

Но такого голоса, как у Грома, ни у одной из них не было. Его и в степи было слышно, как самую большую трубу в духовом оркестре.

Утром она, встав раньше, зашла по дороге на птичник в старую кузню. Ее давно уже не замыкали. С дневного света глаза медленно привыкали к полумраку. Даже и теперь еще не выветрился из бездействующей кузницы запах курного угля, горелого железа. Но похозяйски обжившие ее воробьи безбоязненно влетали и вылетали в раскрытую фортку, колеблемую дуновением ветра.

Тускло светилось выработанное кузнечными молотками и молотами до зеркальной синевы ложе наковальни. Самый большой из них, торчмя оставленный на земле, прислонился к ней гладко отполированным деревянным плечом.

У Клавдии бурно забилось сердце. Когда-то она строго-настрого заказывала Ване сюда ходить. Вот и заказала.

День тянулся мучительно медленно. До обеда одна лишь хлебовозка из Мелиховского сельпо и сползла из-за кручи по крутому спуску в хутор. Не в силах больше справиться с собой, Клавдия вдруг сама сунула в руки Катьки Аэропорт свое ведро с зерном для несушек и почти бегом стала подниматься по дороге наверх, в степь.

— Куда ты? — удивленно крикнула вслед ей Катька.

Но Клавдия не оглянулась.

Тимофея Ильича она дождалась на горе, в степи, уже в сумерки. Завидев его заляпанную грязью «Волгу», вышла из лесополосы поперек ей прямо на середину дороги. Тимофей Ильич едва успел вильнуть, объезжая ее, и, затормозив, выскочил из машины с воздетыми кулаками.

— Да я тебя сейчас, чертова раззява! — в ярости закричал он с добавлением соответствующей моменту приправы и, узнав Клавдию, опустил кулаки.

Он бы не пожалел и ее в этот момент потому, что вина ее перед ним была несомненна, и еще неизвестно, чем бы все это могло кончиться, не окажись он на высоте своего положения за баранкой. Но ему достаточно было лишь взглянуть на лицо Клавдии, чтобы он все понял. Тимофей Ильич не считал себя большим знатоком человеческого, а тем более женского сердца. И когда бы ему успеть было разбираться в этих тонкостях, если даже спать приходилось не больше четырех-пяти часов в сутки, да и то главным образом на семинарах и симпозиумах в районе и в области.

Но ему и не надо было особенно разбираться, чтобы еще вчера, перед поездкой на конезавод, понять, зачем это Клавдии Пухляковой тоже вдруг вздумалось запроситься с ним в эту поездку. Не из любви же в самом деле к лошадям, в чем она с таким жаром старалась его уверить. В хуторе не то, что в большом городе, у каждого человека вся жизнь на виду, и не требовалось быть особенно сообразительным, чтобы догадаться о том, что давно уже было у всех притчей во языцех. Скажем, о том, с какой бы это стати одинокой и уже не первой молодости женщине так долго раздумывать, когда ей вдруг улыбается счастье выйти замуж чуть ли не за генерала. Несмотря на семинары и симпозиумы, Тимофей Ильич все-таки находил время и для того, чтобы сопоставить кое-какие другие факты. И теперь, едва он взглянул на Клавдию, все они сразу всплыли в его памяти и соединились. Как будто кто включил большую лампочку и все осветилось.

Еще никогда он не видел ее такой потерянной, жалкой. Лицо у нее было измучено, глаза блуждали. Ему стало обидно за эту гордую и сильную женщину, которая до этого всю свою жизнь умела, чего бы это ей ни стоило, прятать от чужих глаз свои чувства. Теперь же она, как видно, уже отчаялась, и они вырвались из-под ее власти. Она вся была перед ним нараспашку.

Но она еще сделала над собой усилие, чтобы не выдать себя.

— А я, Тимофей Ильич, искала тут свою дурную корову, как вижу, ваша машина идет...

И в доказательство прижала к груди выломанную в лесополосе небольшую сухую ветку.

Жалость и ярость сплелись в голосе Тимофея Ильича, когда он, предупреждая вопрос, застывший в глазах Клавдии, почти выкрикнул ей в лицо:

— Дался тебе этот цыган! Еще секунда, и ты могла бы погибнуть под моей «Волгой», как под танком. Да вернулся он, вернулся, не плачь! Это его генерал Стрепетов без сохранения содержания с конезавода отпускал. Правда, поговорить с ним мне так и не удалось, потому что не до этого было. Шутка ли, почти весь донской корпус съехался на конезавод. А потом мне уже надо было ехать. Что же ты плачешь? Он еще объявится, твой Будулай.

Тимофей Ильич ни единого слова Клавдии не соврал. Все оно так и было. Но и всей правды он ей не сказал. Не мог он, глядя в ее страдающие глаза, этого сделать.

Цыганское радио, которое, опережая людей и события, вприпрыжку бежит по степи от костра к костру, от телеги к телеге, не замедлило присовокупить: этого и следовало ожидать. Все-таки доигралась и Настя, которая захотела над своими же цыганами прокурором быть, а потом взяла и выскочила замуж за русского шофера с конезавода. Не считай себя самой умной. Догордился и этот идейный Будулай. Не будет забегать впереди своего народа и учить его, как ему дальше жить. На это есть Советская власть. Вот и получил, что те же самые цыгане, мимо которых он проносился на своем железном коне, подобрали его, когда он выпал из седла на крутом повороте.

Продолжение следует.

Гилемдар

РАМАЗАНОВ

Исполнилось 60 лет известному советскому башкирскому поэту Гилемдару РАМАЗАНОВУ. Первое произведение его было опубликовано в 1939 году. За долгие годы творческой работы им издано более сорока книг на русском и башкирском языках. Гилемдар Рамазанов — доктор филологических наук.

Мы публикуем новые стихи поэта.

Орлиные вершины

ЗРЕЛОСТЬ

Над Кондры-кулем
Горы высоки.
Мы лезли вверх,
За выступы цепляясь,
Вставали вровень
Облака, легки,
И нам Усень
Лишь ниточкой казалась.

Где ты теперь,
Пора наивных дней?
Казалось трудным
Покорять вершины.
Но оказалось,
Что куда трудней
Спускаться вниз,
В зеленые долины...

Нет, не погасли
Отсветы в сердцах —
Ведь мы до звезд
Рукою доставали!
Огонь в душе
Не умер,
Не зачах.
Сплошной покой устроит
Нас едва ли!

И каждый сердцем
Наконец постиг
И гром грозы
И посвист соловьиный.
Долины хороши,
Но, кроме них,
Мы знаем, есть
Орлиные вершины!

Над Кондры-кулем
Горы высоки.
Коль живы будем,
К ним еще вернемся!
Пусть дни надежд,
Как юность, далеки,—
Мы молодостью
Снова встрепенемся!..

Перевел с башкирского
Владимир **МИХАНОВСКИЙ.**

ШЕСТЬДЕСЯТ ШАГОВ

Надо бы в любви судьбе признаться,
Все-таки отдать ей, щедрой, дань:
Парень, что уйти мог в восемнадцать,
Перешел шестидесяти грань.

Шестьдесят — не мало и не много,
Это перевал, где виден ты
Всем идущим.
А твоя дорога —
Шестьдесят шагов от той черты,
Где в родном дому родился летом,
А потом перешагнул порог,
Чтоб уйти за мудростью, за светом
В мир широкий
Действий и тревог.
Лишь недавно огненные зори
Опалили юность, и в крови
До сих пор живет осадок горя,
Вечный жар возвышенной любви.

Кажется, еще на той неделе
Первые открытья совершил,
А вокруг — одни друзья шумели,
Целый белый свет казался мил.

Путь, что пройден, схож
с потоком быстрым,
С птицею, промчавшейся над ним.
Верю я не календарным числам,
А душевным помыслам своим.

Снова восемнадцать мне — не боле,
Хоть и время подводить итог
Львиной доле радости и боли,
Светлых дней и тягостных дорог.

Вновь стою, округе всей заметен,
На хребте, на рубеже годов,
Словно годы — так и свищет ветер —
Пронеслись, как шестьдесят шагов.

НА УРАЛЬСКОМ ТАНКЕ СЫН УРАЛА

Укротил, хоть вынес бед немало,
Рурский пламень и слепой металл,
На уральском танке сын Урала,
Там прошел, где сокол не летал.

Курская дуга его сгибала,
И под Сандомиром он горел,
На уральском танке сын Урала
Все прошел и чудом уцелел.

Чешские ветра теплом дохнули,
И в Европе в лучший день весны
Пал он от последней самой пули
В самый распоследний день войны...

Тридцать восемь раз весна играла,
Цвет в садах вишневых облетал.
С той уральской стали сын Урала,
Смерть поправши, встал на пьедестал.

БАШКИРСКИЙ КОНЬ

Быть может, в нем красы и буйства мало,
На первый взгляд ни стати, ни огня,
Но сколько поколений удивляло
Бесстрашие башкирского коня.

Пускай неприхотливый он и кроткий,
Какие бы метели ни мели,
Он разгребет копытом снег глубокий
И корм достанет хоть из-под земли.

Когда-то до Берлина и Парижа
Он дошагал, как доблестный солдат,
И к Пугачеву был доставлен им же
Прославленный батыр наш — Салават.

Когда мы шли от Дона до Дуная
Сквозь пламя
превращенной в ад земли,
Судьба ль хранила всадников, не знаю,
Иль кони — крылья храбрых — сберегли?

Что сила лошадиная! Наука
Твердит, мол, кони — не для наших дней,
И я не против скорости сверх звука,
Но сверх того — за добрых лошадей.

Пусть не брести отныне в поле с плугом,
Я кланяюсь тебе, башкирский конь:
Ведь в юности крылатой
Был ты другом,
Нас обжигал одной войны огонь.

И снова сердце бьется — так и тянет
Вскочить в седло.
Мы старые? Вранье!
Пусть спутником твое упорство станет,
Башкирский конь, терпение твое...

●

Встречаться с тобой — излишне,
Увижу — пройду стороной.
Смешно робеть, как мальчишке,
Теперь-то уж я — иной.

Упорство мое — стальное,
Не жду, не томлюсь виной,
Не плачу и все такое...
Теперь-то уж я — иной.

Минувшее без сожалений
Оставил я за спиной,
И звездных не жду мгновений.
Теперь-то уж я — иной.

Недавно совсем нежданно
Ты выросла предо мной,
И сердце упало. Странно...
Нет, вовсе я не иной!

●

Запевайте же гимны в весеннем краю,
Ветры марта,
сметите безверья заслоны!
Вот и вновь возвращаются в песню мою
Наши девушки робкие,
наши скромные жены.

Их вспоила жемчужина рек — Агидель
В зауральском краю, где суровые склоны.
Я уверен: за тридевять нету земель
Краше женщин, чем девушки наши и жены.

С ними наши сердца обретают покой
И в костре погибают, сгорая влюбленно.
Проверяют огнем и любовной тоской
Наши девушки нежные,
наши страстные жены.

И не сыщем мы радости на стороне,
Счастье рядом,
глаза у него просветленны.
С полувзгляда поймут нас подруги вполне,
Наши девушки верные, наши мудрые жены.

Не смогу удержаться — спою им и впредь,
Чтоб всесильной весны не нарушить законы.
Согревают теплом, не дают нам стареть
Наши девушки чудные, вечно юные жены.

Перевел с башкирского
Александр **БОБРОВ.**

Б. Иогансон. 1893—1973. НА СТАРОМ УРАЛЬСКОМ ЗАВОДЕ. 1937.

А. Дейнека. 1899—1969. ТРАКТОРИСТ. 1956.

НОВЫЙ ДОМ ТРЕТЬЯКОВКИ

Тихий Лаврушинский переулок в центре столицы знают все москвичи и не только москвичи. Ежедневно здесь бывает не менее шести тысяч человек — около двух миллионов в год! А письма, которые приходят сюда со всех концов света, обязательно дойдут до адресата, если даже на конверте не будет обозначен Лаврушинский переулок, достаточно лишь трех слов: Москва, Третьяковская галерея.

В 1892 году, когда Павел Михайлович Третьяков передавал в дар России свою коллекцию картин, никто еще не мог предположить, что это великолепное собрание станет основой одной из крупнейших национальных художественных галерей.

Поначалу полотна И. Е. Репина, В. И. Сурикова, А. К. Саврасова, И. И. Левитана и других известных художников, приобретенные Павлом Михайловичем, размещались в жилом доме Третьяковых, который вместе с шедеврами русской живописи был передан Московской городской думе. Позже, когда коллекция разрослась, к зданию были сделаны пристройки, а в 1902 году по проекту В. М. Васнецова дом украсился новым фасадом. Не сразу помещение приобрело тот вид, к которому привыкли миллионы посетителей знаменитой Третьяковки. В наши дни неоднократные капитальные ремонты, переделки довольно часто отгораживают посетителей от тех или иных уголков экспозиций. Настало время, когда никакие перестройки и даже реконструкция уже не в силах уместить в старых стенах все новые и новые экспонаты: в 1892 году, в момент передачи галереи городу, в собрании было около двух тысяч полотен, сейчас их количество выросло более чем в двадцать пять раз! И, как ни хороши «старые стены», современные условия хранения ценнейших и уникальнейших полотен требуют стен новых.

Митинг, посвященный закладке нового здания Государственной Третьяковской галереи. Фото А. Награльяна

...Новых стен пока нет. Есть глубокий котлован с арматурой для будущего фундамента, груды свежевырытой земли, строительные краны, машины... Официальным днем основания депозитария (хранилища произведений искусства) надо считать 10 июня 1983 года. В этот день состоялась закладка первого камня нового здания галереи, которое будут возводить специалисты финской фирмы «ЮИТ».

В тот день шел не по-летнему долгий дождь, и, может быть, поэтому ярче казались краски двух государственных флагов — советского и финского,— реявших над строительной площадкой. Выступавшие говорили о том, что закладка современного здания Третьяковки положила начало новой традиции — совместному строительству объектов культуры.

Как же будет выглядеть депозитарий? Это четырехэтажное здание, которое своим обликом близко к стилю прежнего строения галереи. «Очень важно, что новое помещение расположится на исторически сложившемся месте»,— сказал в своем выступлении директор Третьяковской галереи народный художник РСФСР Юрий Константинович Королев. Новейшая аппаратура, доставленная из Финляндии, поможет поддерживать нужный микроклимат: влажность, температуру воздуха и прочие условия, строго необходимые для хранения произведений искусства. Кроме того, будут созданы реставрационные мастерские, фотолаборатория, бытовые и технические службы.

...Дождь так и не кончился, когда в подготовленную нишу была опущена большая металлическая капсула, и его капельки стали «непредусмотренным вложением» в это символическое послание к нашим потомкам. Здесь были еще и экземпляры свежевышедших советских и финских газет, образцы металлических монет двух стран и большой пергамент, текст которого обращен к потомкам: «Мы хотим, чтобы по нашим картинам и статьям вы поняли, как мы любили жизнь, мир, труд».

Г. ЗАХАРОВА

«ОРЛЕНОК» У МОСКОВСКИХ ШКОЛЬНИКОВ

Очерк Г. Шумилина «Орленок» («Огонек» № 37, 1982 год) вызвал большой интерес у читателей, особенно молодых. Наполнено добрым чувством письмо коллектива кафедры философии и научного коммунизма Ленинградского электротехнического института связи имени профессора М. А. Бонч-Бруевича, где работает П. Н. Матюшевич («Орленок»):

«Уважаемая редакция! С большим интересом и понятным волнением мы прочитали очерк Г. Шумилина «Орленок». Герой этого очерка — наш сотрудник, доцент кафедры философии и научного коммунизма Петр Николаевич Матюшевич... Журнал читали и передавали друг другу. Всем нам, товарищам Петра Николаевича, его коллегам по кафедре, хотелось узнать новые подробности его жизни. Философ по образованию, преподаватель по специальности, ученый по призванию, П. Н. Матюшевич в наших глазах, перед своими студентами предстал как настоящий герой.

Мы благодарим Г. Шумилина за большую изыскательскую работу, за кропотливый нелегкий труд, ведь нужно было собрать по крохам большой материал, воскресить события прошлого, встретиться с участниками событий той поры».

Старший научный сотрудник ВНИИТИ К. И. Батраева, ветеран Великой Отечественной войны, пишет: «С большим интересом я прочитала очерк «Орленок». Он всколыхнул во мне воспоминания той тяжелой поры военного юношества, когда нам пришлось с оружием в руках защищать свою Родину. Встречались мне и такие солдаты, как Петя. Его судьба очень растрогала меня».

П. Матюшевич в гостях у ребят 46-й школы Октябрьского района Москвы. Фото А. Козьмина

Судьба «Орленка» заинтересовала многих московских школьников. Его пригласили в гости учащиеся и преподаватели 46-й школы Октябрьского района Москвы. Недавно они встретились с ним, с И. Позняком и автором очерка Г. Шумилиным. С большим вниманием слушали школьники выступление бывалого воина, полковника в отставке Ивана Михайловича Позняка (А. Седова), под началом которого действовал самый молодой в то время партизан Петр Матюшевич — «Орленок».

Обратив внимание ребят на возраст Пети в ту пору, Иван Михайлович попросил тринадцатилетних мальчиков подняться со своих мест.

— Вот и посмотрите, каким маленьким был «Орленок», а делал все наравне со взрослыми партизанами. Послушайте его...

И вот говорит «Орленок», говорит о своей нелегкой и счастливой жизни, о трудной дороге — от детдомовского мальчика до ученого.

Недавно в жизни П. Н. Матюшевича произошло еще одно радостное событие. По решению Министерства обороны СССР в Ленгорвоенкомате ему вручили удостоверение участника Великой Отечественной войны.

Ф. В. Гладков. Рис. Г. Верейского. 1933 г.

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Ф. В. ГЛАДКОВА

Певец труда и борьбы

Юрий ПУХОВ

Федор Гладков... В памяти современников сохранился образ страстного, прямого и честного, граждански деятельного человека, умудренного огромным литературным, общественным и житейским опытом.

Небольшого роста, с совершенно белой головой и густыми седыми бровями, из-под которых голубели пытливые глаза,— таким запомнился Федор Васильевич в последние встречи с ним незадолго до 20 декабря 1958 года, когда этого замечательного человека не стало.

А родился он 21 июня 1883 года в деревне Чернавке, в прошлом Саратовской губернии, а теперь Пензенской области. «В раннем детстве,— вспоминал Гладков,— покидаю деревню. Кочевая жизнь родителей в течение пяти-шести лет по рыболовным ватагам Волги и Каспия, по фабрикам и заводам Кавказа. С 12 лет осели в Екатеринодаре, где отец работал на паровой мельнице, а мать — на поденной. Учился грамоте еще в деревне у старообрядческого начетчика... Потом в начальной школе. В Екатеринодаре определяют мальчиком в аптеку, откуда сбегаю. Попадаю в ученики в типографию. Много и без разбора читаю. Хочу учиться... Добился поступления в городское училище. Отец часто бывал без работы. Голодали... Жили жизнью босяков. С 14 до 18 лет испытал весь ужас голодного бесприютного житья».

Судьба в детские и юношеские годы свела Федора Гладкова с рабочими, у которых он учился стойкости, мужеству, боевой революционной активности. Не случайно одним из главных героев его книг стал рабочий человек — борец и созидатель. Жизнь сблизила Ф. Гладкова с М. Горьким. С литературным творчеством его Гладков познакомился в 1899 году, когда вышел двухтомник рассказов Горького. «И с того дня я бессознательно стал пленником Горького»,— рассказывал Гладков.

Влияние Горького на Гладкова сказалось в первых же литературных опытах будущего автора «Цемента». В 1900 году в газете «Кубанские областные ведомости» был напечатан первый рассказ Гладкова, «К свету», название которого перекликается с заключительной строкой «Песни о Соколе» М. Горького. Вслед за этим рассказом в той же газете появились и другие: «После работы», «Максютка», «Черкесенок», «У ворот тюрьмы» — о жизни и быте трудового люда, о людях, доведенных до отчаяния, бедности, полной нищеты. Так с первых литературных шагов складывался у писателя глубокий и, как выяснилось позже, постоянный, пристальный интерес к судьбам людей труда, к рядовым, незаметным труженикам — рабочим.

Литературное признание пришло к Федору Гладкову после Октября. В полный голос заговорили о нем и читатели и критики, когда в 1925 году вышел в свет роман «Цемент». К этому роману он шел трудным путем подпольной революционной борьбы. Гладков был участником трех революций. И это окончательно определило развитие его творчества, сформировало характер певца труда и борьбы.

В многопроблемном, широком по охвату жизненных явлений романе «Цемент» впервые в мировой литературе во весь рост представлен образ нового героя истории — рабочего-созидателя эпохи строительства социализма. В конкретных, реалистических образах писатель запечатлел различные типы рабочих, партийных работников, представителей старой интеллигенции в условиях переходного периода от гражданской войны к мирному строительству. И это стало подлинным художественным открытием.

В характерах и судьбах героев «Цемента» писатель правдиво передал дух эпохи, сумел показать те силы, которые, как и в октябрьской схватке, вышли победителями, вывели страну из разрухи, холода и голода. Поэзия труда рабочего класса, которую так высоко оценил М. Горький, дух коллективизма, любовь рабочих к труду, к своему делу, к производству — все это нашло свое художественное отражение на страницах романа «Цемент».

Многие из замечательных качеств и особенностей «Цемента» получили свое дальнейшее развитие в других произведениях Гладкова: в романе «Энергия», где развернута широкая панорама жизни и труда рабочих — строителей Днепрогэса в годы первой пятилетки; в повести «Клятва», в которой запечатлен быт и труд рабочих в годы Великой Отечественной войны. В этих произведениях ярко выражен пафос утверждения величия дел человеческих, пафос творческого труда.

Широко известные читателям автобиографические произведения Гладкова «Повесть о детстве», «Вольница», «Лихая година» и незавершенная «Мятежная юность» по замыслу и наполнению также впрямую соотносятся с его трилогией о рабочем классе. Здесь писатель показал, как на грани века рекрутировался из крестьянства рабочий класс, как формировалось его революционное сознание. В автобиографических повестях проявилась не только понятная тяга зрелого человека к своему детству, интерес к истории, пропущенной через собственную судьбу, но желание осмыслить судьбы нынешнего рабочего класса, плечом к плечу с которым Гладков прошел сквозь десятилетия.

Все лучшее в литературном наследии Федора Васильевича Гладкова заслужило сердечное признание миллионов читателей. Его герои живут не только в истории литературы. Они глубоко запали в сердца и души людей, на них воспитывались и воспитываются поколения борцов и строителей нового мира.

Б. Ф. ГЛАДКОВ

ГОРЬКИЙ — ГЛАДКОВУ

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ ПИСЬМА

По разным причинам литературный архив моего отца, Федора Васильевича Гладкова, при его жизни почти никогда не был систематизирован, тщательно не хранился, специального человека, который бы занимался собиранием этого архива и следил бы за очень большой перепиской отца, не было. И вот результат — большие, теперь уже невосполнимые пробелы и потери среди тех материалов, которые удалось найти и передать уже после его смерти в Центральный государственный архив литературы и искусства.

К письмам Горького относился отец чрезвычайно бережно, и только разразившаяся война и спешный, как предполагалось, ненадолго, отъезд на Урал осенью 1941 года привели к тому, что часть горьковских писем по возвращении в Москву в 1942 году им не была найдена.

На поиск пропавших писем Горького отец потратил много сил и времени, он искал их настойчиво и терпеливо, перерыл все книжные шкафы и находившиеся в них книги, стопки старых черновых рукописей, пачки всевозможных писем и других бумаг.

В конце концов отец окончательно уверовал, что эти письма безвозвратно пропали вместе с рядом редких книг, находившихся в библиотеке в Москве или на даче в Переделкине.

И вот совершенно случайно, когда от поисков уже отказались и никто не питал надежды вновь увидеть эти письма Горького, часть из них была обнаружена. В комнате моего брата Василия, в небольшом стенном шкафу-закутке, я обнаружил несколько связок старых писем и других бумаг, заваленных довоенными журналами. Скорее всего их туда положил во время войны мой брат и совсем о них забыл. В одной из этих пачек я и нашел несколько горьковских писем к отцу...

Произошло это в конце сороковых годов, вскоре после того, как отец ушел из Литературного института имени А. М. Горького, который он возглавлял на протяжении двух с лишним лет. Период этот для него был трудным. Уже написанная «Повесть о детстве» находилась в редакции журнала «Новый мир», однако издание ее в течение длительного времени задерживалось.

Мне думается, что письма Горького, наконец найденные, принесли отцу светлые минуты и подействовали благотворно на его состояние. А через некоторое время в «Новом мире» была напечатана «Повесть о детстве», которая затем была отмечена Государственной премией СССР.

В начале пятидесятых годов мне пришлось по долгу службы расстаться на долгих три года с дорогими мне людьми... По возвращении в Москву я с болью в сердце отметил, что неумолимый отпечаток прошедших лет заметно отразился на отце и матери, они постарели, отец перенес тяжелую болезнь, но настроение у него было бодрое, он горел огнем творческого вдохновения, казалось, что он стремится наверстать упущенное... Но силы уже были не те, все чаще и чаще болезнь отрывала его от рабочего стола. Однажды отец сказал мне: «Поищи еще где-нибудь письма Горького, ведь мы нашли тогда только часть их. Где-то должны быть еще несколько его писем». Писем я не нашел...

Прошло еще два года, не стало отца... А в 1966 году ушла из жизни неповторимо ласковая, дорогая и горячо любимая мама...

Горечь утраты близкого человека долго гложет сердце, но за повседневными житейскими заботами она постепенно сглаживается, притупляется, как зарубцовываются старые раны... Но время от времени они требовательно напоминают о себе, боль в сердце вновь и вновь заставляет думать: «А все ли ты сделал, что можешь, для увековечения памяти самых близких тебе людей?»

Ф. В. Гладков у А. М. Горького. Сорренто. 1930 год.

После смерти мамы, правда, не сразу, я стал разбирать ее не очень большой архив. Состоял он главным образом из писем. Письма отца, матери, ее сестер, подруг дальнего детства, мои письма и письма брата, но среди них попадались очутившиеся там случайно письма и других людей. Видно было, что они не разбирались в течение очень длительного времени, оставаясь лежать связанными в небольшие пачки. Письма пришлось разобрать, чтобы отобрать наиболее интересные и важные. И вот сначала в одной, а затем в другой пачке я увидел письма, написанные таким знакомым уже для меня почерком. Одно, второе... Пять писем Горького к отцу! Это, наверное, и были те письма, о которых он мне говорил. Письма датированы 1912, 1913, 1928, 1930 и 1933 годами. Первые два письма нигде еще не публиковались, если не считать выдержки, напечатанной отцом в 1928 году в журнале «Прожектор» № 13 от 25 марта. Это письмо датировано 21 декабря 1912 года и является ответом на письмо отца к Горькому, посланное 3 ноября 1912 года из Новороссийска. Оно опубликовано в семидесятом томе «Литературного наследства».

Ответ Горького отличается суровой, но честной оценкой повести «Изгнание» и одновременно отеческой заботой о еще сравнительно молодом тогда писателе — Федоре Гладкове.

Привожу полный текст этого, еще нигде не публиковавшегося полностью письма:

«Уважаемый Федор Васильевич, внимательно просмотрел рукопись вашу и не нашел ее удачной: очень уж все многословно, растянуто и запутано. Преобладают слова, — образы, характеры, картины совершенно утонули в пучине словесности, часто — холодной, риторической.

Трудно понять, — что же в конце-то концов говорит автор? Какую «радость» может возвестить миру его немощный, изнутри гниющий герой? Этого я не понял.

Но, — вот в чем дело: в рукописи есть хорошо написанные страницы, чувствуется «искра Божия» и, м. б. — я не понял какого-то видимо не доступного мне смысла.

Поэтому я советовал бы вам: сократив длинноты, исправив небрежности языка и вообще «хорошенько прочитав работу вашу», послать ее в редакцию журнала «Заветы». Весьма вероятно, что ваш труд встретит там иную оценку.

Я бы попросил вас — написать небольшой рассказ на какую-нибудь самую простецкую тему, без мудрствований лукавых, без «надрывов» и прочих приправ, порядком уже надоевших читателю.

Писать, на мой взгляд, вы можете и способны написать гораздо лучше.

Будьте только проще, поискренней с читателем, говорите с ним о том, что поет ваше сердце.

Будьте здоровы, желаю успеха. Жду рукопись.

На заметки на полях — не сердитесь. Столько читаешь, что устаешь и — немножко — сердишься порою.

Всего доброго А. Пешков.
21. XII 912».

Зная отца, я уверен, что, несмотря на суровую критику рукописи, это письмо помогло ему, укрепило веру в свои силы и литературное призвание. Видно это хотя бы из того, что повесть он переработал в соответствии с замечаниями Горького и отослал под названием «В изгнании» в редакцию журнала «Заветы». К сожалению, повесть «В изгнании» так и не была тогда напечатана, ибо в июле 1914 года журнал прекратил свое существование. Вновь переработанная, под названием «Изгои», она увидела свет только после Октябрьской революции, в 1922 году.

Что стало с рукописью, которую правил А. М. Горький, мне неизвестно. Видимо, она погибла в период гражданской войны. В архиве отца я ее не обнаружил...

Второе письмо Горького является ответом на письмо отца, посланное Горькому 7 августа 1913 года из Москвы, куда он приезжал на короткое время. Вот это письмо:

«Милостивый Государь Федор Васильевич!

Вы осведомлены не точно: у меня нет никаких редакторских прав по отношению к «Сибирскому сборнику», — редактором является Комитет и переработанную Вами рукопись «Троих» будьте любезны направить по адресу оного Комитета.

Сердечно обрадован тем, что рассказ «В изгнании» будет напечатан, желаю Вам и впредь добрых успехов.

А. Пешков.
25/VIII. 913.
Сор.».

Остальные три письма опубликованы в упоминавшемся томе «Литературного наследства». Однако я обратил внимание, что из пяти писем четыре написаны чернилами, а одно отпечатано на пишущей машинке. Это письмо, опубликованное в семидесятом томе на странице 114, под номером 32, оказывается, имеет приписку, сделанную Горьким чернилами, которая отсутствует в «Литературном наследстве». Письмо публиковали, видимо, по черновику, и, более того, оно не имеет в «Литературном наследстве» точной даты, время его отправления оговорено серединой ноября 1930 года. В приписке Горького дается точная дата отправления письма. Вот эта приписка:

«Желаю всего доброго, жму руку. А. Пешков.
9. XI. 30

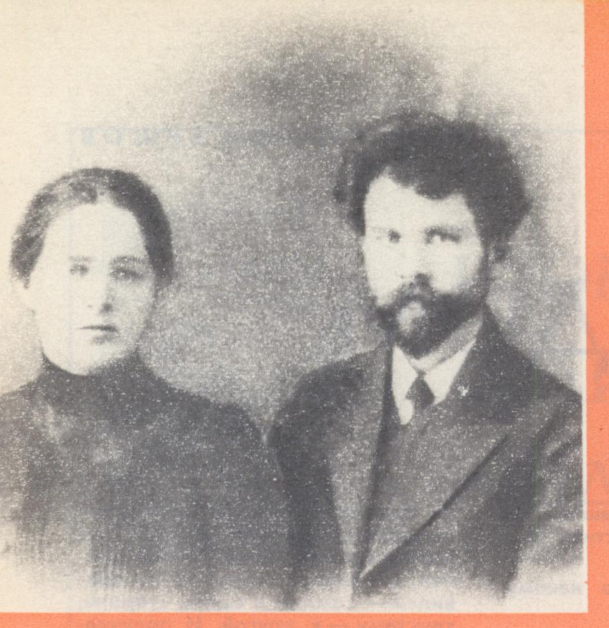
P. S. С отъездом Вашим началась такая дикая погода, что носа высунуть на волю — не возможно. Идут допотопные дожди.
А. П.».

До конца дней своих отец глубоко и искренне уважал Алексея Максимовича, считал его учителем, всегда прислушивался к его замечаниям и советам. Он видел в нем доброго литературного наставника, всегда прямо и откровенно высказывавшего свое мнение о произведениях писателей.

П. Г. Низовой, А. С. Новиков-Прибой, А. П. Чапыгин, Ф. В. Гладков. 1923 год.

Страницы жизни

В кабинете все осталось, как было при жизни писателя.

С женой Татьяной Ниловной.

К. Е. Ворошилов вручает Ф. В. Гладкову орден Ленина. 1953 год.

«Цемент» издан на многих языках мира.

Ф. В. Гладков. 1954 год.

Ф. В. Гладков и А. А. Фадеев среди старых большевиков-дальневосточников. 1955 год.

Публикация подготовлена Ф. МЕДВЕДЕВЫМ.

Григорий ЕРШОВ

«Деревню и ее околицу я очень любил. И сейчас, при воспоминании, все заливается солнечным сиянием, а за полями зеленеют перелески».

Федор ГЛАДКОВ

Отчий дом

В Чернавке, что в Пензенской области, остались сейчас только здание начальной школы, которую кончал Ф. В. Гладков, но где уже давно не учатся дети, да полтора-два десятка крестьянских дворов.

С грустью и понятным волнением стоим мы на заросшем бурьяном пустыре. Избы, в которой родился Федор Гладков, уже давно нет и в помине. А как хотелось увидеть накануне столетия славного земляка этих мест дом таким, каким он выглядит на той необычайно редкой семейной фотографии, где основатели рода Гладковых — дед Фома и бабушка Анна — сняты в окружении детей и внуков! Вот стоит дядя будущего писателя Семен Фомич с женой, а вот и их дети — Леонтий, Евстигней, Егор и другие двоюродные братья будущего известного писателя Ф. В. Гладкова, запечатленные им самим еще в 1913 году на фоне родной избы.

Постояли мы на пустыре, повздыхали да и направились в гости к двоюродному брату писателя, рабочему совхоза «Гремячинский» Егору Евстигнеевичу Гладкову. На скамеечке перед домом сел я рядом с матерью Егора Евстигнеевича. Говорила она както особенно ласково и напевно.

— Знавали ль вы матушку Федора Васильевича, Анастасию Михайловну?

— Настеньку-то? Да мы после их отъезда в том же дому жили, ту же ржицу жали.

Невольно вырвалось у меня:

— И песни, видно, как и она, певали?

— Ну, куда мне с Настенькой-то! Она без песни и работу ину не правила — корову доила и то с песенкой, а уже на сенокосе так певала, заслушаешься.

А мне вспомнилось, как в трилогии Ф. В. Гладкова о детстве писатель с любовью говорил о песенной одаренности своей матери: «...она всегда пела, даже в хлопотливой работе... и когда оставалась одна — сеяла ли муку в амбаре, или доила корову, она пела, тихо, для себя, пела как-то по-своему».

— Долго вы жили в том доме, откуда уехала Анастасия Михайловна?

— Дак, почитай, четверть веку, если не более,—был ответ.— А потом разобрали тот дом. И увезли, когда вот мой братан Леонтий из Чернавки уехал.

— Продали тогда его на сторону,— вступил в разговор за свою мать Егор Евстигнеевич.

— А куда, не помните?

— Ныне это не нашей даже области, Саратовской,— ответил он.

— ...Даниловка, километров восемь от нас. Туда вроде бы отец мой, Семен Фомич Гладков, и продал году в 1936-м этот дом после нашего отъезда из родных мест к Федору, в подмосковное Переделкино,— вспомнил вдруг Леонтий Семенович Гладков.

И вот уже совхозный «ГАЗ-69» медленно движется по длинной улице Даниловки. Брат Егор смотрит на одну сторону улицы, брат Леонтий — на другую. Многим из нас бросился в глаза странного вида дом, весь обитый серо-стальной жестью, под железной свежекрашеной крышей, с крылечком на улицу и в четыре окна по ту же сторону.

— Стой,— командует Егор Евстигнеевич. — Чудно больно: железный дом, а обликом — разве что кровля не соломенная — здорово на нашу родную избу смахивает.

Все повыходили из машины. И тут же нас окружили местные жители.

Мы объяснили им, по какому делу сюда прибыли.

— Я порученка по дому. Хозяева в Кемеровской области проживают ноне, а меня присматривать просили, да не уберегла я их сокровищ. Недели две тому воры в дому побывали.

— Мы теперь его наново заколотили накрепко, — простуженно просипел другой сельчанин.

— Были ли какие-нибудь особые приметы у вашего дома? — спросил я у Егора Евстигнеевича и Леонтия Семеновича.

— Есть одна,— дружно ответили братья, а Леонтий Семенович продолжил: — Рублен сруб из крупных половинок сосновых бревен, а в венцы связан не по правилам — комлем к одной стороне, хлыстами — к другой. И получился сруб с креном на один бок, пришлось фундаментом выравнивать. А так дом был, как вот и этот,— крупная и ладная пятистенка.

Тут они оба подошли к дому и разглядели высокую каменную кладку, которая выравнивала сруб «по горизонту».

— Давно ли привезен этот дом сюда? — спросил я «порученку».

— Еще в середине годов тридцатых, кажись, из Чернавок, когда колхозы токо-токо зачались во всей силе. Вон видите, жерди да бревна от огорожи да надворных построек остались не пожжены — совсем истлели.

— А боковые оконца были? — спросил я братьев.

— Они и здесь с обеих сторон есть. Да и переднее вот крылечко — то явно нашенское. Столярных мастеровых рук дело.

Потом в Чернавке собралось множество родственников Гладковых, обсуждали проблему найденного дома, от руки рисовали его план. И все сошлись на том, что дом «династии» Гладковых нам неожиданно удалось-таки найти.

Борис Федорович Гладков вместе с Леонтием Семеновичем после нашей поездки создали подробное описание и самого дома Гладковых и всей домашней утвари.

В Малой Сердобе, несмотря на страду, нас принял первый секретарь райкома партии В. И. Абрамов. Мы рассказали ему о нашей счастливой «экспедиции», увенчавшейся «находкой» дома их славного земляка.

— Наш райисполком купит этот дом у хозяина или правления колхоза, вновь разберем его и перевезем для установки на новой шоссейной трассе Москва — Саратов — Пенза неподалеку от родной писателю деревни Чернавка, — сказал товарищ Абрамов. — На площадке, выбранной для дома-мемориала и музея крестьянского быта конца XIX века, постараемся построить современный выставочный павильон, где разместим библиотеку, некогда подаренную нашему району Федором Васильевичем Гладковым, документы и фотографии о жизни, революционной и творческой деятельности писателя, стенды, посвященные его произведениям, таким, как «Повесть о детстве» и «Лихая година», материалом для которых послужил быт его родной деревни дореволюционных лет. Впоследствии здесь же думаем возвести два здания — районную библиотеку и краеведческий музей.

Семья Гладковых у дома, где родился писатель.

Фото Ф. В. Гладкова. 1913 год.

Сын Ф. В. Гладкова Борис Федорович и двоюродные братья писателя Егор Евстигнеевич и Леонтий Семенович Гладковы у дома, обнаруженного в селе Даниловка.

Фото И. Гладкова. 1980 год.

ЧТОБЫ СБЛИЖАТЬ ЛЮДЕЙ

«...Редакторы растерянно разводили руками:

— Ох, уж этот Стрельников! Будто не мог прислать поправки неделей раньше!

Неделей раньше прислать свои поправки Борис не мог. Как всякий щедро одаренный талантом человек, он понимал, что предела совершенству не существует, что нет барьера, у которого может остановиться мысль. И Борис принимался переделывать главы, которые казались ему законченными еще вчера. А как же поступить иначе, если после долгих и безуспешных поисков вдруг явилось именно то единственное и такое нужное слово, которое сразу же озарило начало очерка теплым душевным светом, сделало фразу легкой, изящной, афористичной?..»

Эти строки из предисловия к книге известного советского журналиста-международника Бориса Стрельникова «Всем сердцем верю...» как нельзя более точно определяют характер его творчества, дают читателю конкретный образ того, что мы называем одним слозом — «неуспокоенность».

Журналист Борис Стрельников умер как солдат на боевом посту, выполняя очередное задание редакции. И поэтому книга, которая наиболее полно представила его творчество, вышла в свет уже без него. Ее составители А. Сафонов и Ю. Стрельникова включили в сборник все то лучшее, что написал Борис Стрельников. Разделы этой книги — не только образец журналистского мастерства, но и в значительной степени биография самого их автора. Борис Стрельников много лет прожил в Америке, работая в качестве собственного корреспондента «Правды». В сборник «Всем сердцем верю...» вошел ряд очерков и репортажей, написанных им о Соединенных Штатах, таких, как «Вдали от небоскребов», «Кто стрелял в шерифа?» и другие.

Работу каждого большого мастера всегда отличают одна или несколько лишь ему присущих черт. Были такие и у Бориса Стрельникова. Одна из них, которую читатель заметит в любом из его очерков,— это сопереживание судьбам своих героев. Стрельникову были близки и понятны чаяния простых американцев, тех, с кем он каждый день встречался на улицах, с кем во время своих многочисленных поездок по стране разговаривал о делах будничных. В одном из очерков Борис Стрельников так описывает свою встречу с хозяином бакалейной лавочки:

«— Давайте предположим, что я хочу заняться сельским хозяйством,— говорю я.— Землю уже купил, ровно 600 акров. Уступил здесь один человек за 60 тысяч долларов. Какие мне теперь нужны машины и сколько они будут стоить?

— Вы это серьезно?— осторожно спрашивает старик после паузы.

— Нет, из профессионального любопытства. Я журналист.

— А я подумал, что вы сумасшедший,— вздыхает он с облегчением.— Даже испугался. Ну что ж, давайте подсчитаем: перво-наперво — трактор, плуг и борона. Пишите: 15—16 тысяч долларов. Грузовичок «пикап» — 6 тысяч. Комбайн для уборки колосовых — 13—14 тысяч. Комбайн для уборки кукурузы — 30—32 тысячи. Широкорядная сеялка — 3 тысячи. Культиватор — 1500. Сеноуборочные машины — 8 тысяч. Пресс для...

— Хватит,— останавливаю я его.— Я раздумал быть фермером».

В этом диалоге как в капле воды отражается стремление Бориса Стрельникова узнать самому и донести до советского читателя те повседневные дела и заботы, которыми живут американцы. Такая вот «повседневность», помноженная на огромное количество репортажей и очерков, позволила Стрельникову нарисовать правдивый, емкий образ современной Америки, ее психологический и социальный портрет. Конечно, немалую роль сыграли в этом личные качества журналиста — его доброта, бескорыстие и та искренность в отношениях с людьми, которую невозможно подделать и которая одна может открыть сердце и душу собеседника.

«Может быть, книжка получилась немного грустной,— писал Борис Стрельников в одной из своих книг «Как вы там, в Америке?».— Это оттого, что я люблю моих американских друзей, людей честных, добрых, прямых и открытых...»

Он много сделал для того, чтобы народы США и Советского Союза лучше узнали и поняли друг друга. Его профессиональным кредо были слова: «Мы, журналисты, не должны ссорить людей. Журналисты должны их сближать». И Борис Стрельников работал именно ради этой цели.

А. СОКОЛОВ

Б. Г. Стрельников. Всем сердцем верю... М., «Правда», 1982. 512 с.

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 7. Действующее лицо сказок «Тысяча и одна ночь». 8. Старинный город в Брянской области. 10. Прибор для размножения текста и иллюстраций. 11. Приток Северского Донца. 12. Манильская пенька. 13. Процесс исторического развития мира организмов. 17. Разновидность капусты. 19. Отрасль педагогической науки. 21. Библиотечная учетная карточка. 23. Собиратель и знаток произведений литературы. 27. Героиня романа И. А. Гончарова «Обломов». 30. Убеждения, взгляды, основы мировоззрения. 31. Симфоническая сюита Н. А. Римского-Корсакова. 32. Наиболее совершенная разновидность гармони. 33. Строй кораблей, следующих друг за другом. 34. Предметы, употребляемые в театральных постановках.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Хранилище музейных экспонатов. 2. Советский сатирический журнал. 3. Вид развлечения, аттракцион. 4. Балет Ф. З. Яруллина. 5. Итальянский оперный композитор конца XVIII — первой половины XIX века. 6. Мостовое сооружение. 9. Марка советского легкового автомобиля. 13. Персидский и таджикский поэт, автор поэмы «Шахнаме». 14. Рассказ И. С. Тургенева из «Записок охотника». 15. Специалист по тренингу и испытаниям рысистых лошадей. 16. Наука о животных. 18. Столица скандинавского государства. 20. Остров на юге Японского архипелага. 21. Теплоизоляционный строительный материал. 22. Картина А. А. Дейнеки. 24. Народный артист СССР, выступавший на сцене МХАТа. 25. Двуплечий рычаг насосов, буровых станков. 26. Озеро на севере Финляндии. 28. Древнерусская мера длины. 29. Голландский мыслитель XVII века.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 24

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Карасук. 7. Динамик. 10. Коробочка. 11. Вышивание. 12. Монолог. 13. Нейтрон. 14. Бетон. 17. Джейран. 18. Тюльпан. 19. Сережка. 21. Анероид. 27. Канаш. 29. «Кочегар». 30. Конопля. 31. Доницетти. 32. Древесина. 33. Гигиена. 34. Кварцит.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Запорожье. 2. Газовоз. 3. Манизер. 4. «Мизантроп». 6. Квартет. 7. Давыдов. 8. Водород. 9. Чигорин. 15. Галка. 16. Лютня. 19. «Сенокос». 20. Репетиция. 22. Обнорский. 23. Дарлинг. 24. Матрица. 25. Паводок. 26. Материк. 28. Конверт.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Шахтерская семья: дважды Герой Социалистического Труда Егор Иванович Дроздецкий с сыновьями Юрием и Валерием. (См. в номере материал «Высокие звезды».)

Фото Л. Шерстенникова

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: После репетиции. (См. в номере материал «Необычные актеры».)

Фото Э. Эттингера

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Внутренней жизни — 250-56-88; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Поэзии — 250-51-45; Критики и библиографии — 251-21-46; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 30.05.83. Подписано к печати 15.06.83. А 00691. Формат 70×108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 18,20. Тираж 1 850 000 экз. Изд. № 1398. Заказ № 671.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Героиня фильма «Рысь выходит на тропу».

Фото Э. ЭТТИНГЕРА

НЕОБЫЧНЫЕ АКТЕРЫ

Зоологическая база киностудии «Центрнаучфильм» создана по инициативе режиссера А. М. Згуриди. Городок дрессированных зверей находится на станции Леоново Владимирской области. Звери живут в огромных, весьма «кинематографичных» вольерах, и их снимают кинематографисты всех советских и многих зарубежных студий. Главную же работу, конечно, тут ведут дрессировщики, хотя им тоже приходится порой быть и кинодублерами.

Ю. Чуркин работает с волками.

Филина Фомку все знают по телепередаче «Что! Где! Когда!».

На утренней прогулке.

Дрессировщик Л. А. Горбачева и «кинозвезда» Сильва, снявшаяся в 50 фильмах.

Здесь все как в сказке. Даже кот ученый...

«Актер» по имени Мальчик.

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663